

РАБОТНИЦА

И Ю Л Ь

1 9 6 3

7

От всей души приветствую читательниц жур-
нала «Работница», чудесных женщин нашей
великой Родины. Крепко обнимаю и целую
вас, дорогие подруги!

Виллема

Навсегда запомнят этот миг не только маленькая африканка, но и все участницы конгресса.

МИР НЕСУЩИЕ

Елена УСПЕНСКАЯ

Фото Н. Маторина.

В Кремлевском Дворце съездов собрались те, кто дает жизнь,— женщины земного шара, матери земного шара. Здесь рядом отважная молодость и мудрая старость.

И пусть те, кто сидит рядом друг с другом в этом зале, говорят на разных языках, живут разной жизнью,— они приехали сюда потому, что хотят отстоять мир. Все они объединены одним великим счастьем — счастьем услышать первое движение ребенка, еще неуверенное, но уже властное. Движение, от которого приливает кровь к щекам и начинает сильнее биться сердце. Единственное счастье, в котором отказано мужчинам.

И это сближает всех женщин на земле. Их представительницы приехали сюда с пяти континентов и стремятся найти общий язык.

Нина Васильевна Попова от имени Международной демократической федерации женщин открывает конгресс. Глядя в многоликий зал, она справедливо называет его самой представительной ассамблеей в истории международного женского движения. Да, это самое великое собрание женщин, которое видела когда-либо Земля!

На первом конгрессе Международной демократической федерации женщин были представлены лишь 40 стран, сейчас федерация объединяет женщин почти из 90 стран. А на этот Всемирный конгресс приехали делегатки ста четырнадцати стран; среди них представительницы и тех организаций, которые не входят в федерацию. И это—лучшее свидетельство роста сил международного женского движения.

Ни один конгресс не был отмечен столь замечательным

подвигом, как подвиг первой женщины-космонавта Валентины Терешковой. Бурей восторгов встретил зал отважную русскую девушку, словно спустившуюся прямо из космоса в президиум конгресса. Она застенчиво улыбалась женщинам, которые тянулись к ней со всех сторон, надевали на нее бусы, браслеты, накидывали ей на плечи нарядные одежды. Она была как бы символом нашей Родины. Когда Вале аплодировал зал, он приветствовал нашу страну, наш строй, миролюбивую политику нашего государства.

Несокрушимая воля Советского Союза к миру с большой силой выражена в Послании Н. С. Хрущева конгрессу — послании, вызвавшем такое огромное воодушевление у женщин разных стран.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

РАБОТНИЦА

Общественно-политический и литературно-художественный журнал

ОСНОВАН 8 МАРТА 1914 ГОДА

7
И Ю Л Ь
1963
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»

домашняя хозяйка Хардис Андерссон и работница-швея Хильда Антонсен. Они норвежки.

Учительница из Гваделупы Шипотель Берт.

М. Дубкова, секретарь Белорусского республиканского совета профсоюзов, и заслуженная артистка Латвийской ССР Л. Пастернак-Фреймане.

Тревоги и надежды женщин звучали в докладе Эжени Коттон — бессменного председателя МДФЖ. Женщины повсюду хотят участвовать в грандиозных преобразованиях, изменяющих облик мира. Но они с величайшей тревогой видят, как агрессивные силы, возглавляемые империалистами США, готовят мировую термоядерную войну. Эта война, если она разразится, будет гибельна для человечества. И женщины требуют покончить с этим безумием, добиться всеобщего и полного разоружения.

Зал буквально дрожал от приветствий, когда на трибуну вошла седая, величественная, ставшая легендой Долорес Ибарури. Ей 73 года, но как молоды ее глаза, как горяча ее речь, как бесстрашна и целеустремленна вся ее жизнь борца за свободу и счастье людей! К ней бросились женщины, ей жали руки, ее обнимали, целовали.

«Женщины всех стран, всех континентов,—говорила Долорес,—объединим наши усилия в борьбе за мир, за дружбу, за всеобщее и полное разоружение, которое не означает, как это неправильно понимают некоторые женщины, препятствия к борьбе за национальную независимость, а как раз наоборот — является гарантией свободы и независимости!»

Зал дышал тем, что говорили ораторы. Женщины выступали сурово и немногословно, как солдаты. Солдаты мира. Зал молча стоял, когда к трибуне шла обуглившаяся от скорби женщина — Тамина Адиль, вдова Саляма Адилья, секретаря Иракской коммунистической партии, убитого фашистами. Сжимаемая кулаки, слушали женщины ее рассказ о страшном разгуле реакции, о диких зверствах, которым подвергается ее много-страдальный народ.

Зал разделял волнение старой коммунистки из ГДР Лотты

Ульбрихт, призвавшей женщин к сплоченности в борьбе против угрозы войны. Она говорила о необходимости решить германский вопрос мирным путем и превратить Западный Берлин в вольный демилитаризованный город.

И я, слушая ее речь, видела перед собой город, в котором она живет,—Берлин. Мне пришлось там быть совсем недавно. Спокойно ложился спать трудовой Берлин. Засыпали дети, которых днем я видела в школе. Работали писатели над своими новыми рукописями. И за этим Берлином лежала моя Родина, все страны демократического лагеря, страны мира будущего — счастливого будущего людей.

А по ту сторону улицы лихорадочно плясали огни реклам Западного Берлина. По ту сторону лежал иной Берлин, очаг провокаций, источник постоянной напряженности.

Рядом со мной стоял солдат демократического Берлина — Человек, защитник мира. А по ту сторону, напротив,—наемный солдат, мертвец. Он еще считает себя человеком. Но его мозг одурманен наркотиками и ложью, слух оглушен жесткой, визгливой музыкой, глаза ослеплены рекламами, которые обещают низменные удовольствия. Его готовят убивать, убивать мирных людей. Империализм — строй, обреченный историей на гибель,—судорожно создает военные базы, бешено вооружается, готовясь взорвать само небо на части.

Но тем, кто одержим идеей реванша, и тем, кто мечтает о новой войне, противостоят могучие силы защитников мира. Об их мужественной борьбе говорили делегатки на конгрессе.

Представительница США Маргарет Рассел рассказывала о молодом движении «Женщины, боритесь за мир!», которому исполнилось всего два года. Американские женщины успели

На трибуне — посланцы Кении.

Общественная деятельница Канады Хелен Такер.

Представительницы Бразилии и Цейлона обмениваются адресами.

Делегатка Индии.

Медицинская сестра Путуси
Апполос приехала из Юго-За-
падной Африки.

Зарисовки художника В. Высоцкого.

сделать за это время многое. Маргарет вспоминала забастовку молчания вокруг Белого дома в Вашингтоне в пользу мира. Они стояли и молчали, женщины с детьми на руках.

...В перерывах между заседаниями — знакомства, встречи, беседы. Беседы спокойные, в уютных креслах, и торопливые, на неутомимо бегущих эскалаторах. Ох, уж эти эскалаторы! Модные каблуки-гвоздики то и дело застревают в них, так и ездил, стоя на цыпочках.

...Кадидиа Куиндо выглядит совсем девочкой. Она из республики Мали. Медсестра в маленьком местечке Бандиа, неподалеку от города Мониту. Кадидиа работает в больнице, у нее двое детей — полтора и трех лет. «Мальчики, — с гордостью сообщает она и, улыбаясь, добавляет: — Кто знает, может, будут еще и девочки». А пока ей и так хватает забот. Ее муж — тоже фельдшер. Работы у них много. В Мали свирепствуют какое-то особенное, свойственное только этим местам глистное заболевание и другие болезни. Да, трудно. Но в глазах Кадидии спокойная уверенность человека, который знает: он на своем посту. И, слушая ее, понимаешь: эта женщина не отдаст того, чем владеет. Ее родина обрела независимость, на ее земле строится новая жизнь.

Я слушала Кадидию и думала о героических женщинах Кубы, Алжира, Индонезии, африканских стран и стран Латинской Америки, проявивших чудеса стойкости в борьбе за национальную независимость своих государств, против власти колонизаторов. Многих из них я встречала здесь, на конгрессе: одни, как Кадидиа, делились первыми успехами строительства новой жизни, другие с болью говорили о своих народах, которые, несмотря на жестокие расправы колонизаторов, продолжают борьбу. Твердая решимость покончить со

Делегатки Англии читают Обращение конгресса.

Эженн Коттон, бессменный председатель МДФЖ, беседует с советской делегаткой А. П. Байковой.

Тамина Адиль из Ирака.

Медицинская сестра из Ма-
ли Кадидиа Куиндо.

Н. П. Хрущева и Бахрихон Шамахмудова, мать-героиня из
Узбекистана.

Фатьма Ахмед из Судана (справа) беседует с Генеральным секретарем Африканской лиги женщин Тиссой Жанной Мартин.

С энтузиазмом приняли женщины Обращение конгресса.

всеми формами колониального угнетения разделялась всеми участницами конгресса.

...Хелен Такер — руководительница движения канадских женщин за мир. Она проехала шесть стран, чтобы установить личные контакты, обсудить планы совместных действий женских организаций. После конгресса Хелен с группой женщин из Канады собирается посетить еще девять стран.

Дагмар Андреасен — работница из Дании. Она работала на сборке сложных электромоторов. Дагмар собиралась истратить на поездку в Москву деньги, которые ей полагались на отпуск. Но ее уволили. И тогда четыреста крон выделила семья Дагмар из своих сбережений, остальные четыреста собрали женщины для своей делегатки.

Дагмар и ее подруг больше всего волнует неравноправное положение женщин в обществе. Она не хочет мириться с тем, что ей платят за работу куда меньше, чем мужчинам. Но она отлично понимает: равноправия можно добиться, если будет сохранен мир.

И снова зал. На трибуне делегатка Парагвая, член Клуба матерей. Она говорит скупое, сдержанное. Но как страшно то, о чем она рассказывает! В стране разнузданная диктатура ставленника американских монополий генерала Стреснера. Лучшие люди подвергаются преследованиям, жесточайшим репрессиям. Делегатка взволнованно рассказывает о случае, очевидцем которого была она сама. Полицейские отняли у женщины корзину с овощами, ими она торговала на улице. Ребенок — он был привязан к спине матери — заплакал, тогда полицейские оторвали его от матери и бросили в тачку вместе с овощами. Ребенок умер, ударившись о борт головой...

Говорят женщины Испании, Португалии, Греции, говорят о своих подругах, умирающих в тюрьмах, под пытками палачей, о детях, которые рождаются в неволе и гибнут.

И зал требует амнистии для наших сестер из Испании, Греции, Португалии, Ирака и других стран Среднего Востока и Латинской Америки, для всех истинных патриотов.

Конгресс работал шесть дней. С девяти утра до одиннадцати вечера. Здесь женщины договорились действовать вместе, бороться за полное равенство, за национальную независимость, за счастье детей, а главное — за мир, за всеобщее и полное разоружение. Они пойдут рядом с мужчинами в священный поход за прочный мир. К этому они призвали всех женщин в своем Обращении. Эти же благородные цели записаны в Программе деятельности МДФЖ, утвержденной конгрессом.

Сплоченность, единство — вот чем дышал зал!

И было очень странно и горько видеть маленький остров непонимания. Китайки. Они не вставали, они не аплодировали, они не пели. Они голосовали против документов, принятых делегатками конгресса с таким единодушием.

Наступил вечер двадцать девятого июня. Последние торжественные минуты. Тысячи стоявших женщин, плеск темных, светлых рук и разноцветных платков в добром воздухе Дворца съездов. Как птицы, разлетятся эти платки по всему земному шару. Тысячи переплетенных рук. Их тепло сохранится надолго. Песни, возгласы, аплодисменты, скандирование: «Мир!» «Мир!», «Дружба!»... Зал не мог стихнуть, люди не могли разойтись. Сколько это длилось, не знаю. Запомню навсегда. Эти женщины нашли общий язык. Женщины, дающие жизнь. Они хотят, чтобы жизнь продолжалась.

ЖЕНЩИНЫ, МЫ, ДАЮЩИЕ ЖИЗНЬ, ДОЛЖНЫ ЕЕ ЗАЩИЩАТЬ.

На нас ложится большая ответственность в деле защиты наших прав, счастья наших детей, защиты мира и права народов на независимость, но мы преисполнены большой веры в свои силы.

Мы представляем большую половину человечества. Наша мощь в нашем единении, которое дало возможность избежать до сих пор ужасов третьей мировой войны.

То, что нас объединяет, представляет большую силу. Это любовь к нашим детям, дружба и солидарность между женщинами и народами всего мира, это — наше стремление к миру, справедливости, прогрессу и счастью всего человечества.

Мы объединились, чтобы собрать и привести в действие все силы против опасности войны, чтобы обеспечить прочный мир на всем земном шаре.

ЕСЛИ МЫ ЗАХОТИМ, ЖИЗНЬ ВОСТОРЖЕСТВУЕТ!

Из Обращения Всемирного конгресса женщин

ВЕЛИКИЙ ГЕРОИЗМ РОЖДАЕТСЯ ВЕЛИКИМИ ИДЕЯМИ

«Слава ленинской партии!»

Эти простые и торжественные слова 18 июня 1963 года донесли до нашей Земли из безбрежных просторов Вселенной. Советские герои-космонавты Валентина Терешкова и Валерий Быковский адресовали их открывшемуся в тот день Пленуму Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза.

Факт чрезвычайно примечательный, полный глубокого смысла. Ленинская партия подняла советский народ на невиданные высоты социального и научно-технического прогресса, и народ наш устами своих отважных дочери и сына из космических далей славит за это родную партию коммунистов.

Беспримерные рейсы в просторах Вселенной стали возможными только потому, что в нашей стране полностью и окончательно победил социализм, выросло новое поколение людей — сильных телом и духом, людей коммунистических идеалов и высоких моральных принципов. Таких людей воспитала и воспитывает Коммунистическая партия.

Велики успехи, достигнутые советским народом под мудрым водительством ленинской партии. Но перед нами теперь стоят задачи еще более грандиозные и величественные — построение нового, самого лучшего и справедливого коммунистического общества.

Историю творит сам народ. Коммунизм строит каждый из нас. И для нашего общего дела вовсе не безразлично, какими интересами, какими идеями живет любой советский человек, каковы черты его характера, как относится он к труду, к товарищам.

Чем сознательнее человек, чем лучше понимает события, происходящие вокруг него, чем яснее видит цель, отчетливее представляет себе свою роль и место в обществе, тем больше страсти, любви, знаний будет отдавать он делу коммунистического строительства. Вот почему вопросы воспитания необходимых качеств, вопросы идейной закалки советских людей приобретают сейчас решающее значение. Это с особой силой подчеркнул состоявшийся в июне Пленум ЦК КПСС, посвященный очередным задачам идеологической работы партии.

Идеи, овладевшие массами, становятся могучей материальной силой. Вооруженный великой идеей человек делается во сто крат сильнее, лучше, чище.

История признает тех людей великанами, писал Карл Маркс, которые, трудясь для общей цели, сами становятся благороднее; счастлив тот, кто приносит счастье наибольшему количеству людей.

Наш народ — это поистине народ великанов.

Революционные грозы, годы труда и борьбы очистили души и сознание миллионов людей от мерзостей эксплуататорского строя. В нашей стране безраздельно господствует марксистско-ленинская, коммунистическая идеология, которая учит бороться, работать и жить для всеобщего счастья. Мы гордимся беспримерными подвигами наших завоевателей космоса, гордимся замечательными открытиями наших ученых, гордимся славными делами передовых рабочих и работниц, колхозников и колхозниц, ударников коммунистического труда. Счастье свое они видят не в узком мирке собственного благополучия, а в благе всего народа, всех людей.

Но, радуясь достигнутому, не можем и не должны мы забывать о том, что есть у нас и люди с частнособственнической психологией.

В исторической битве двух миров — мира социализма и мира капитализма — социализм побеждает. Капитализм бессилен сокрушить социализм военным путем, поражение за поражением терпит он и в мирном экономическом соревно-

вании. И вот империалисты делают отчаянную ставку на отравленное идеологическое оружие. Они всеми средствами пытаются протащить в наше общество свою человеконенавистническую мораль, стараются на лживые приманки поймать идейно неустойчивых людей, отравить их сознание ядом неверия, сомнений, привить им буржуазные мысли и нравы, чтобы разоружить, ослабить наш народ.

Не выйдем!

Мирное сосуществование государств с различным общественным строем, которое последовательно и решительно отстаивает наша партия, отнюдь не означает мирного сосуществования противоположных идеологий — социалистической и капиталистической. Тут ни на какие компромиссы мы не пойдем!

«Главным во всей нашей идеологической работе на современном этапе», — говорил в своей речи на Пленуме Никита Сергеевич Хрущев, — является воспитание всех трудящихся в духе высокой идейности и преданности коммунизму, коммунистического отношения к труду и общественному хозяйству, полное преодоление пережитков буржуазных взглядов и нравов, всестороннее, гармоническое развитие личности, создание подлинного богатства духовной культуры».

На это и нацеливает Пленум всю партию, ведь наш народ.

Сердцевина, стержень идеологической работы — воспитание любви и уважения к труду на благо общества, трудовая закалка людей. Это и понятно: лишь в труде раскрываются способности и таланты людей, лишь трудом создаются все материальные и духовные ценности, утверждается бессмертие человечества.

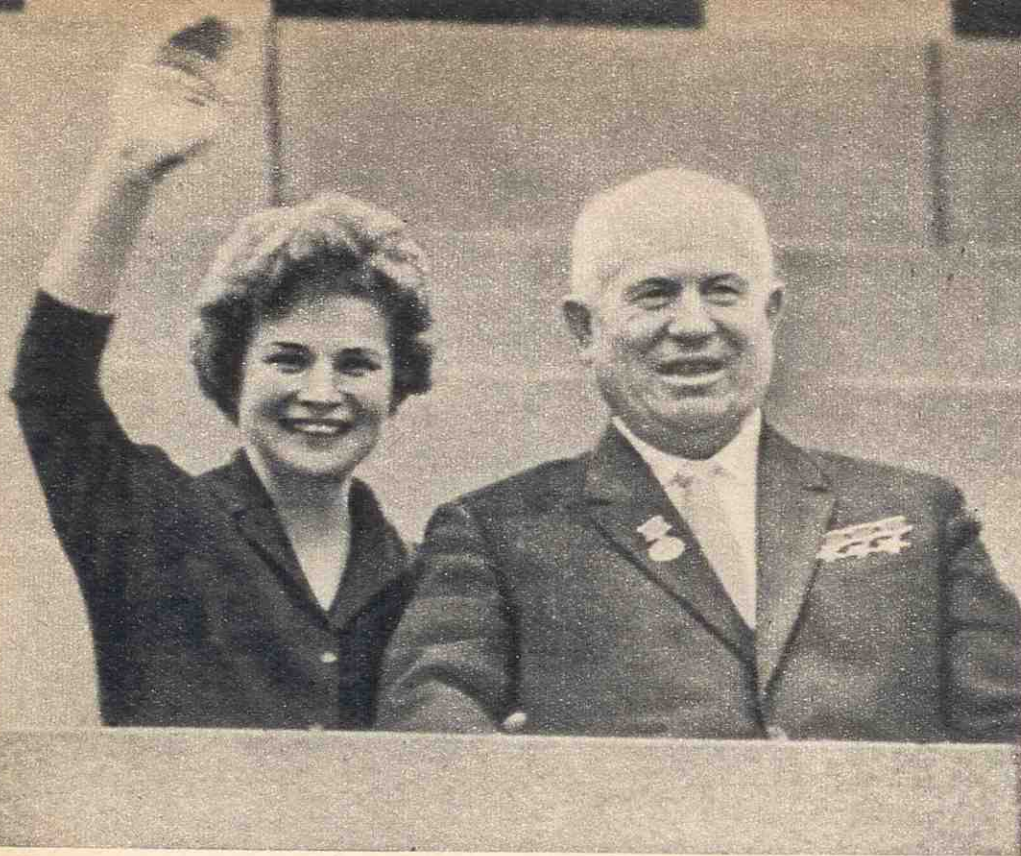
Человек закаляется в коллективе, здесь формируются его мировоззрение и мораль, его лучшие качества. Коллектив воспитывает в человеке ответственность перед обществом, поддерживает и развивает в нем все хорошее, помогает преодолевать слабые стороны его характера. Коллектив может и перевоспитать человека, если он допустил какие-нибудь ошибки в поведении. Отсюда ясно, как много ждет общество от коллектива — любого! — в воспитании его членов.

Широк и многообразен круг вопросов, обсуждавшихся на Пленуме ЦК. Вновь и вновь перечитайте его материалы, задумайтесь над тем, с какой глубокой ленинской мудростью, с какой величайшей ответственностью за судьбы страны партия решает проблемы коммунистического воспитания. Решения Пленума важны для каждого, касаются всех нас. Они вооружают боевой программой действий учителей, подсказывают родителям, как и во имя каких светлых целей надо воспитывать детей.

Пусть каждая мать, каждый отец спросит себя, все ли делают они для того, чтобы дети выросли настоящими коммунистами — сильными, умными, трудолюбивыми, бесконечно преданными своей Родине. Пусть спросит себя об этом и мысленным взором окинут трудный и славный путь старшего поколения нашего народа, которое построило новый мир, отстояло родину Октября в годы Великой Отечественной войны и теперь строит коммунистическое общество. Отцы вручают своим детям славную эстафету революционных дел. Верим: дети понесут ее вперед, продолжая дело старших.

Пусть же каждая мать, каждый отец воспитают своих сыновей и дочерей глубоко идейными людьми, достойными нести овеянное славой знамя старшего поколения, способными завершить строительство коммунистического общества!

А. ПИШКОВ

„ЧАЙКА“

В тот солнечный день, когда столица встречала героев-космонавтов, текли и текли по Красной площади потоки ликующих людей. И каждый смотрел на трибуну Мавзолея, где находились руководители партии и правительства и прославленные космонавты. Рядом с Никитой Сергеевичем Хрущевым была Валентина Терешкова.

Фото Г. Дубинского.

С. БОРЗЕНКО, Герой Советского Союза

О Валентине Владимировне Терешковой, первой в мире женщине-космонавте, написано так много, что, если бы собрать воедино все напечатанное о ней, получилось бы несколько обширных томов. Да и как не восторгаться Валентиной, если она одна пробыла в космосе больше часов и сделала больше витков, чем все американские астронавты, вместе взятые!

Степень свободы женщины всегда считалась верным показателем культуры народа. Я просмотрел вороха заграничных газет и журналов. Большинство из них восхищается тем, что среди отважных пионеров великого подвига завоевания просторов Вселенной появилась женщина. Парижская «Либерасьон» писала: «И не случайно, что именно страна, которая не только провозгласила, но и провела в жизнь принцип равенства между мужчинами и женщинами, первой запустила в небо женщину-космонавта».

Валентина Терешкова — дочь трудового народа России. Отец ее, колхозный тракторист Владимир Аксенович, пал смертью храбрых в боях с врагами нашей Родины. Валя была тогда малым ребенком. Он был убит со знаменем в руках, когда бросился вперед, увлекая за собой красноармейцев! И есть что-то символическое в том, что красное знамя пронесла вперед и подняла на небывалую еще высоту дочь воина-героя Валентина Терешкова. Отправляясь в далекий путь к звездам, она взяла в кабину космического корабля «Восток-6» красный флаг, в который сорок восемь раз как бы запеленала Землю.

Мать Вали, Елена Федоровна, в прошлом колхозница, а затем мотальщица ярославского комбината «Красный Перекоп», немало пережила невзгод после гибели мужа. Но детей своих — Лиду,

Валю и Володю — воспитала трудолюбивыми, сердечными, неунывающими людьми. И, может быть, как величайшая награда для матери прозвучали слова Валентины на пресс-конференции в актовом зале Московского университета:

— Самый дорогой для меня человек на Земле — это мама!

Жизнь Вали неразрывными узами связана с «Красным Перекопом». Детство ее и юность прошли в дружном коллективе текстильщиков. Она жила среди тех, кто в 1905 году на баррикадах сражался против свирепых карателей царского Фанагорийского полка, кто в октябре 1917 года установил в городе Советскую власть, а через год твердой рукой подавил контрреволюционный мятеж, кто в рядах Красной Армии штурмовал Турецкий вал на Перекопе. В честь побе-

ды на Перекопе комбинат и получил свое революционное имя. С детства призывала Валя, что «Красный Перекоп» постоянно заботился о ней, о ее семье.

Часто вспоминает Валя, как впервые пришла в цех к маме и сразу полюбила дождевые потоки мелькающих ниток, и запах свежего полотна, и ловкость все умеющих делать женских рук. Цех покорила маленькое сердце. «Подрасту — стану текстильщицей», — мечтала она.

В школе девочка училась хорошо. Однако после семи классов пошла работать на шинный завод, твердо решив помогать маме. Устроилась браслетчицей, а вечерами, как и большинство ее подруг, ходила в школу рабочей молодежи. Но по-прежнему ее тянуло на родной «Красный Перекоп», и она стала текстильщицей. Работала в ленто-ровничном цехе фабрики № 2, училась в заочном техникуме легкой промышленности. Чувство ответственности и самодисциплины всегда было свойственно ей. Ни одного зря прожитого дня, даже часа! Работать без брака, учиться без плохих отметок!

Вскоре цеховая комсомольская организация избрала ее секретарем.

Валя любит свой родной Ярославль, любит его легендарную историю, его памятники, площади, набережные над Волгой. Она читала «Слово о полку Игореве» — эту древнюю поэму о воинской доблести — и гордилась тем, что рукопись была найдена в одном из ярославских монастырей. Навсегда покорила ее поэтический образ русской Ярославны. И подруги, ценившие Валию за правдивость, справедливость суждения и добрый, открытый нрав, ласково называли ее Ярославной.

Валя много и жадно читала. Она увлекалась стихами Некрасова, хорошо знавшего душу русской женщины, назизусть помнит и «Арину, мать солдатскую», и «Тройку», и «Есть женщины в русских селеньях».

Валя — заядлая спортсменка. Она и коньками увлекается и машину водит.

Фото С. Баранова.

48 РАЗ ОБЛЕТЕВШАЯ ЗЕМЛЮ

Как-то мама рассказала ей о своем детстве. В семье их было восемь. Выжили трое. Трех задавил голод, дядю Ваню убили под Перекопом, коммуниста дядю Евсея застрелили из обреза кулаки за то, что убеждал народ вступать в колхоз.

Валя любила мужественных женщин. Ведь одно дело — мужество мужчины, и другое дело — мужество женщины. Перед нею были прекрасные образцы для подражания: Надежда Константиновна Крупская, Мария Ильинична Ульянова, легендарная «Анка-пулеметчица», Марина Раскова... Гуляя по песчаным откосам, глядя, как величаво катит свои волны Волга, Валя представляла жизнь своей любимой героини Лизы Чайкиной. Ее расстреляли на станции Пено, у истоков великой русской реки. Она была комсомольским секретарем. Народ называл ее «Чайкой».

Нет, не отважные амазонки и романтические красавицы, а новаторы, самоотверженные труженицы, те, кого зовут у нас маяками, стали для нее образцом. Со всем пылом сердца Валя Терешкова помогала комсомольцам комбината развивать движение за коммунистический труд. Это движение придавало смысл всей ее жизни.

Валя окончила техникум. Поздравляя ее с получением диплома, мать сказала: — Вот и выросли у тебя крылья.

Случайно оброненная фраза запала в душу девушки. Впервые она подумала, что могла бы летать, с парашютом над головой плыть в прохладном небе. Ей удалось увлечь подружек своей мечтой и создать в цехе парашютный кружок. Она помнит, как девчата впервые приехали на аэродром, веселой комсомольской песней заглушая холодок невольного страха перед неизведанным и прекрасным. Надо было показать пример, и она, подавляя в себе минутную робость, первая, словно в холодную воду, ринулась вниз. В этом первом прыжке было все ее будущее — первый шаг в космос.

В августе 1960 года Валю Терешкову единогласно избрали секретарем комсомольского комитета комбината. Тогда же приняли кандидатом в члены КПСС.

Как вода в Волге, быстро текло время. Наступил апрель 1961 года. Весенним громом прокатилась над миром весть: Юрий Алексеевич Гагарин взлетел в космос. Книгу Гагарина «Дорога в космос» Валя прочитала за одну ночь. Их биографии были схожи. Ее потянуло к звездам. В ином свете предстали перед ней Луна, Венера и жемчужные россыпи Млечного Пути. Девушка словно поселилась на берегу синего океана, называемого небом.

Она поделилась своей мечтой с секретарем партийного комитета комбината Валентиной Федоровной Усовой. И та, понимая, что творится в душе девушки, ободрила ее, посоветовала написать письмо товарищам, ведающим космонавтикой. Письмо Терешковой достигло цели: ее зачислили в группу космонавтов. Она прошла всю ту суровую школу

— Елену Федоровну Терешкову, мать Валентины, просим пройти в президиум. — пригласила председательствующая на Всемирном конгрессе женщин. И вот они рядом: Валя заботливо усаживает маму.

тренировок и испытаний, которую проходят космонавты-мужчины. Как и на текстильном комбинате, она и здесь во всем была первой. И, когда настал час полета в космос первой женщины, выбор пал на нее.

Без тени боязни поднялась она в кабину космического корабля «Восток-6». И вскоре человечество услышало ее милый, уверенный голос, голос запевалы и комсомольского вожака, разговаривающего с Никитой Сергеевичем Хрущевым — первооткрывателем космической эры, как зовут его советские космонавты.

Первая в мире женщина-космонавт, человек решительных поступков и действий, испытала и героически преодолела в космосе все то, что переживали муж-

чины: и бешеные перегрузки при взлете ракеты, и кипение огня за жаропрочными стеклами иллюминаторов при входе корабля в плотные слои атмосферы, и невесомость.

Валентина Владимировна Терешкова пробыла в космосе семьдесят один час, преодолела около двух миллионов километров. Русская девушка «Чайка» более сорока восьми раз облетела вокруг нашей планеты!

Прав поэт Леонид Вышеславский, который, словно перекликаясь с Некрасовым, воспевавшим русских женщин, написал:

Незыблемо века веленье,
высок Мавзолея гранит,
на нем Королева Вселенной —
ткачиха простая — стоит.

МОЛОДЦЫ, РУССКИЕ!

Письмо из Парижа

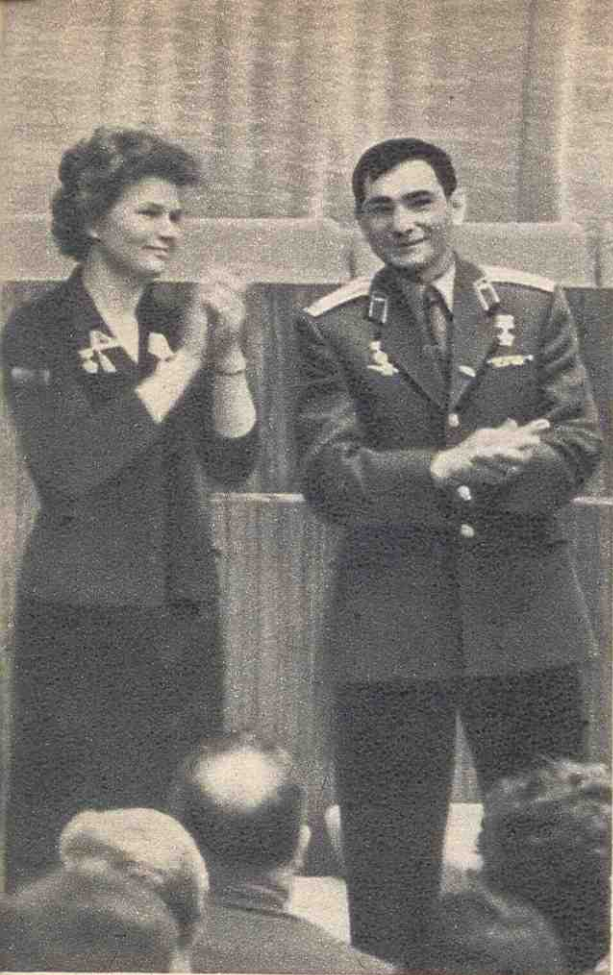
П. СМОЛЕНСКИЙ

Женщина в космосе! Этого ждали, строили самые различные предположения, но все были едины в одном: первая женщина, отправившаяся на исследование Вселенной, будет советской. И вот свершилось!

Мы узнали о полете Валентины Терешковой в парижском пригороде Иври, где в тот день проходил организованный французским комсомолом большой праздник молодежи. Сообщение из Москвы совпало с выступлением перед тысячами юношей и девушек генерального секретаря Французской компартии Мориса Тореза. И нужно было видеть, какой бурей восторга были встречены слова Тореза о том, что СССР запустил в космос

женщину-космонавта! Гремела овация. Самыми гордыми в этот момент были девушки. Аннет Дюверже, продавщица, сказала мне: «Не нахожу слов, чтобы выразить свой восторг. Всю жизнь буду гордиться тем, что мы с Валентиной — ровесницы. Сейчас я жду ребенка. Теперь решено: если девочка, назовем Валентиной».

В эти же часы на парижском аэродроме Бурже шла церемония закрытия 25-го Международного салона авиации и космонавтики. Весть о Валентине Терешковой пришла сюда во время авиационного парада. Публика больше не смотрела на небо. На официальных трибунах гости уткнулись в свежееотпечатанные страницы газет.

Валентина Терешкова и Валерий Быковский и на Земле часто бывают вместе...
Фото Н. Маторина.

Рассказывают, что в тот день в павильонах салона самыми несчастными людьми были американские гиды, приставленные к демонстрировавшейся здесь капсуле американских космонавтов. Восторгаясь подвигами советских людей, французы с присущим им юмором буквально извели представителей США, громко комментируя в их присутствии услышанное. Они ехидно сравнивали вес и размеры выставленной капсулы и советских космических кораблей, программы работы американских и русских космонавтов и задавали такие вопросы, от которых гиды готовы были провалиться сквозь землю.

Я разговаривал с одним американским летчиком в Бурже. Он назвался Джеком. «Что я думаю о ваших космонавтах? — говорил он. — Молодцы, ребята! Уж кому-кому, а нам, летчикам, не надо объяснять, что это такое, — он выразительно ткнул пальцем вверх. — Вы, русские, хоть и приучили нас, американцев, ко всяким сюрпризам, но запуск женщины так скоро, признаться, не ожидали. У нас только и разговоров, что об этом полете. Конечно, не всем нашим понравилось, что русские опять впереди. Прямо скажу, моя национальная и профессиональная гордость тоже задета, но, несмотря на это, мы, американцы, трезвые люди и признаем: да, русские нас обставили, и если ты че-

стный человек, сними перед ними шляпу и поздравь».

Беспримерный полет советской женщины-космонавта сразу стал в центре внимания печати, радио, телевидения, всей французской общественности. Толпы народа стояли у газетных витрин, не пробиться было к радиомагазинам, где работали телевизоры. Когда на экранах шел репортаж из космоса, из кабин кораблей «Восток-5» и «Восток-6», со всех сторон неслись возгласы: «Феноменально! Молодцы, русские! Просто сказка какая-то!»

В этот вечер, казалось, весь Париж вышел на площади и набережные. Мы приехали на площадь Согласия. Толпы людей. Взоры устремлены в небо, в руках бинокли и подзорные трубы. Вдруг раздались возгласы: «Летит!» — и к небу взметнулись руки.

Пересекая темный небосвод, видная в простой бинокль, быстро и величаво двигалась блестящая звездочка. Тысячи парижан смотрели на нее, как завороченные. Многие дружески махали руками, как машут отправляющемуся в далекий путь близкому человеку. А стоявшая рядом со мной женщина, не отрывая глаз от подзорной трубы, осенила корабль крестом: «Да хранит тебя бог!»

...Как описать чувство радости и гордости за наших героев, за наш народ, чувство, которое вдали от Родины обуревало нас, советских людей! Мы смотрели на взволнованные лица французов и француженок и думали о нелегкой доле женской половины населения этой страны.

Яркие обложки иллюстрированных журналов, газетные полосы с портретами кинозвезд и титулованных особ вовсю стараются расписать райскую жизнь французских женщин, у которых будто бы и забот иных нет, кроме ухода за своей кожей, скрупулезного следования советам шикарных домов моделей и любовных приключений. Слов нет, в нынешней Франции есть ничтожная кучка женщин так называемого «света» — членов правящих страной двухсот семейств, бездельничающие и купающиеся в роскоши жены министров, дочки банкиров, племянницы промышленников или просто любовницы сильных мира сего. Но разве они представляют французских женщин в целом — тружениц, обремененных многочисленными заботами, лишенных многих радостей жизни и даже элементарных человеческих прав?!

Этой весной мне довелось присутствовать на Национальной конференции трудящихся девушек, организованной Союзом девушек Франции. Нельзя было без волнения слушать выступления юных делегатов, бесхитростные рассказы о тяжелой судьбе французской трудящейся молодежи, о ее борьбе, ее стремлениях и идеалах. И как сейчас не вспомнить выступление молодой текстильщицы Ивонны Шантал, девушки одной с Валентиной Терешковой профессии и почти одинаковых лет! Она рассказала о жестокой эксплуатации, которой подвергаются работницы, о зверской системе штрафов (до 30 процентов заработной платы), 10—13-часовом рабочем дне, отсутствии охраны труда, о

тяжелых болезнях и производственных травмах.

И не потому ли в связи с запуском в космос Вали Терешковой здесь, во Франции, стране острой социальной борьбы, почти каждая француженка, почти каждая французская газета в той или иной форме подчеркивали один и тот же факт, прекрасно выраженный служащей юридической конторы Женевиэвой Троше: «Этот полет и есть самое яркое подтверждение того, что в СССР мужчина и женщина равны».

Конечно, не все и в Париже встретили весть о новом космическом эксперименте СССР с ликованием. Словно в рот воды набрали официальные круги. Рассказывают, что очень грустно было в эти дни в штаб-квартире НАТО в Париже. Не без команды сверху на третий день полета наших героев кое-где появились грязные заметки и обывательские рассуждения, что-де не женское это дело — тягаться с мужчинами в космических полетах.

Но разве это скрежетание зубами было характерным для общего настроения народа? 18 июня муниципальный совет города Монтрей рассматривал не совсем обычный вопрос — предложение о присвоении Валентине Терешковой звания почетной гражданки этого города «в знак благодарности и восхищения жителей Монтрей первой в мировой истории женщиной-космонавтом». Предложение было принято бурей аплодисментов. Вале присуждена также золотая медаль, учрежденная муниципалитетом города. Члены муниципалитета решили пригласить славную героиню в свой город, чтобы чествовать ее и вручить награды.

А вот факты хотя и более мелкие, но столь же примечательные. Уже на следующий день после запуска Валентины в космос в витринах парижских улиц можно было прочитать следующее: «Если вы хотите иметь такую же космическую прическу, как у Валентины, посетите наш салон», «Будьте изящны, как Валентина, занимайтесь гимнастикой по системе Бодье», «Валентина предпочитает носить туфли нашей модели» и т. д. Владельцы одной из цветочных плантаций Парижа, узнав, что любимые цветы Космонавта-6 — гладиолусы, дали только что выведенной партии этих растений имя Валентины и решили самолетом отправить их Вале в Москву. А после сообщения о том, что Валия перед спуском на Землю заказала для себя картошку, на рынке у Инвалидов один из торговцев овощами громкогласно рекламировал свой товар так: «Картошка — пища космонавтов. Подходите, медам, покупайте любимое блюдо советской Валентины». И торговля шла бойко...

Все это: обширные материалы, восторженные комментарии и репортажи из страны, штурмующей небо, отдельные детали «космической недели» в Париже да и во всей Франции — не дань очередной сенсации. Это — всеобщее признание успехов нашей страны, преклонение перед ее гением.

Трудовая Франция восторженно приветствует: «Молодцы, русские!»

Париж, июнь 1963.

Пламя костра жадно лизет
прокопченный, выдавший виды
котелок туристов. А в нем
булькает и негодует каша...

Фотоэтиюд Н. Маторина.

А. ПЛАСТОВ. ПОЛДЕНЬ.

Государственный Русский музей.

В МУЗЕЯХ
СТРАНЫ

На вопросы корреспондента «Работницы» отвечает Николай Фролович ЧАРЫКОВ, заместитель начальника Управления по развитию сельскохозяйственного машиностроения Государственного комитета авто-тракторного и сельскохозяйственного машиностроения при Госплане СССР.

Вопрос: Какие новые машины создаются и уже созданы, чтобы облегчить труд женщин в животноводстве?

Ответ: Когда мы говорим о земледелии, то в первую очередь называем профессии, которые уже стали разновидностью индустриальных: тракторист, комбайнер. Но стоит заговорить о животноводстве, и сразу вспоминаем о труде ручном, преимущественно о труде женском. И беда не только в том, что машин мало, — долгое время не было единой цепи, единой системы машин. Скажем, существовали машины для раздачи корма, а силос из ям доставали вручную.

Теперь созданы комплексы машин для различных видов содержания скота — стойлового, беспривязного. Тут и силосопогрузчик, и бульдозеры, специально приспособленные для чистки выгульных площадок, и доильные установки.

Вопрос: Как механизмуется труд самой массовой женской профессии в животноводстве — труд доярки?

Ответ: Наша промышленность выпускает различные типы доильных установок: «елочка», «карусель». Каждая из них — это целая фабрика со своими холодильниками, молокопроводами, фильтрами, молокомерами.

За все время дойки доярка-машинист ни разу не прикасается руками к молоку. Молоко, отсасываемое стаканчиками, поступает сразу в молокопровод, а затем в охладитель и в общий резервуар для хранения — танк. И даже мойка всей этой системы механизирована: через нее в обратном направлении прогоняют воду, и все чисто.

Например, конвейерно-кольцевая доильная установка «Омичка», созданная по проекту конструктора

ДОЯРКА И ПТИЧНИЦА — ПРОФЕССИИ ИНДУСТРИАЛЬНЫЕ

торского бюро Сибирского научно-исследовательского института сельского хозяйства на «Омксельмаше», позволяет за один час выдавать 160 коров.

Труд доярки становится разновидностью труда индустриального.

Вопрос: Что делается для того, чтобы механизация пришла как можно скорее на все фермы?

Ответ: За два последних года наша промышленность выпустила более ста тысяч различных доильных установок. Но в то же время немало таких установок пока еще лежит на складах «Сельхозтехники» или несмонтированными в колхозах и совхозах.

Одна из причин неполного использования механизмов — то, что сами доярки не всегда бывают заинтересованы в механизации. Система оплаты труда должна поощрять переход доярки на механизированную дойку.

На механизированной ферме одна доярка обслуживает не 10, а 40—50 коров, а на многих установках и больше. У нее прибавилось хлопот — забота о машине. А в колхозах и совхозах итоги соревнования упорно оцениваются по старому показателю — надою на одну корову, и получается, что доярка, которая вручную доит 10 коров-рекордисток и надаивает 50 тысяч литров молока, выходит на первое место, а доярка-машинист, которая обслуживает 50 коров и надаивает 100 тысяч литров дешевого молока, — на последнее.

И, наконец, о подготовке кадров. Человека, управляющего машиной, на любом заводе готовят к этому: он кончает школу фабрично-заводского обучения, ремесленное училище, специальные курсы. А во многих колхозах и совхозах доярку, еще вчера доившую вручную, сегодня без всякой подготовки ставят управлять «каруселью». Должны быть курсы для доярок машинного доения.

Перед тем как встать за установку, они должны пройти специальную аттестацию.

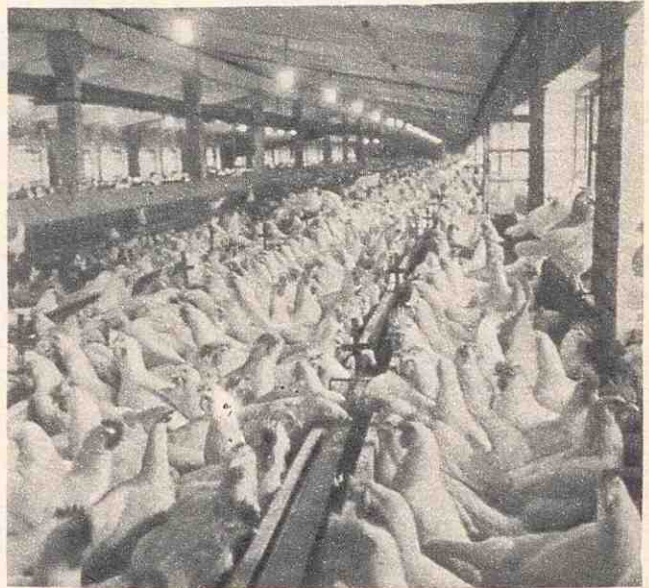
Вопрос: Какие новые машины создаются для облегчения труда птичниц?

Ответ: При тех масштабах, которые приняло сейчас колхозное и сов-

резиновому желобку на транспортер и в укладочную машину, которая сама сортирует их по весу и осторожно укладывает в коробки.

Всеми этими машинами управляет птичница с особого пульта — станции управления производственными процессами.

Механизированные пти-

На птицеферме совхоза «Горки-II».

Фото И. Петкова.

хозное птицеводство, невозможно представить себе птичницу, сыплющую корм из фартука.

У нас созданы комплексы машин для птичников разного типа: инкубатории на три с половиной миллиона цыплят в год, бройлерники для откорма цыплят на мясо на 10 тысяч и 20 тысяч цыплят, птичники для кур-несушек на 6 и 12 тысяч голов.

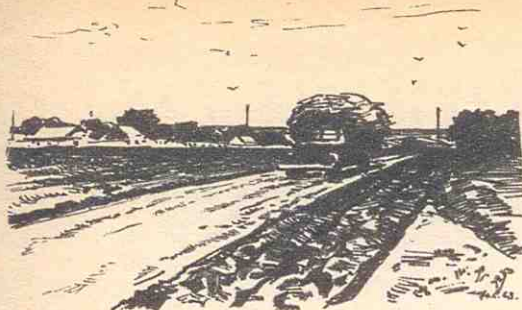
Нет такой работы, которой в современном механизированном птичнике не выполняла бы машина. Кормушки-конвейеры несут птицам корм, желобковые поилки — воду. Трактор убирает подстилку во всем птичнике. Но не только это. В комплекте оборудования современного механизированного птичника есть машина для сборки яиц. Яйца из клеток-гнезд скатываются по

цефабрики уже созданы, действуют, дают продукцию. Но, конечно, их еще недостаточно, и задача состоит в том, чтобы выпускать все больше оборудования для таких птицефабрик.

Вопрос: Какие заводы заняты выпуском оборудования для животноводства?

Ответ: Доильные установки новейших типов выпускают «Омксельмаш», Дергачевский завод на Украине. А заводы машиностроения в Пятигорске и Нежине целиком переведены на выпуск оборудования для птицефабрик.

Ясно, что чем успешнее справятся со своими планами коллективы этих заводов (а в них немало женщин), тем скорее техника придет на фермы.

В с т ъ и и

Мирослав БУЖКЕВИЧ

Воздушный пропольщик

Солнце еще не поднялось. Но оно уже было где-то близко, за соседним степным холмом. В его лучах купались редкие облачка, его приход встречали ликующими криками птахи, населявшие лесную полосу, от него бежали, забивались в самые дальние уголки оврагов рваные ленты туманов.

На скошенном лугу, спускавшемся по склону широкого увала, стояли бочки, чаны. Тихо урчал мотор только что подошедшей автоцистерны. Возле нее хлопотали пять женщин. Одна из них, высокая, с непокрытой головой, отошла в сторону, прислушалась, сказала:

— Кажется, идет.

Женщины, как по команде, оставили свои дела, поднялись к самому гребню увала и стали смотреть на запад, туда, где таяли остатки ночной тьмы.

— Вот он, вот он!

Все сразу увидели маленький самолет «АН-2», или, как ласково его здесь называют, «Аннушка», летевший низко над полями.

Самолет сделал круг, решительно шагнул к земле, коснулся ее вытянутыми ногами-шасси и, пробежав сотню метров, развернулся и остановился у бочек. Открылась дверь — из нее один за другим на землю прыгнули четыре парня. Первый, в зеленой рубашке и пилотской фуражке, помахал рукой:

— Привет! Мы прибыли.

— Здравствуй, Николай, — ответила за всех высокая женщина. — У нас все готово.

Летчик развернул карту.

— Давайте еще раз уточним, Анна Петровна.

Трое склонились над картой: летчики ГВФ Николай Брагинцев и Петр Гладков

и агроном совхоза «Ростовский» Анна Петровна Егорова. Они окончательно утверждали план «операции». А в это время женщины подтащили к самолету шланг и присоединили его к баку, стоявшему в утробе фюзеляжа. Затарактел маленький моторчик, и через три минуты в баке было уже больше тонны темной жидкости — водного раствора гербицидов.

Толстенькая «Аннушка» взмыла вверх и ушла за лесополосу, туда, где простирались кукурузные поля. Пилот нажал педаль — распыленные капельки гербицидов облаком осели на землю. Они убьют сорняки, не причинив никакого вреда кукурузе.

Через четверть часа «Аннушка» вернулась к бочкам. Опять протянулся к самолету шланг.

И так раз за разом: пятнадцать минут в воздухе, пять — на земле. Наконец самолет устало затих на лугу. Николай Брагинцев подошел к Егоровой.

— Хватит, Анна Петровна. Пригревает.

Анна Петровна согласилась. Гербициды легко испаряются, и когда от земли поднимается теплый воздух, они уже не достигают поля, улечиваются.

Егорова вслух подсчитала:

— Десять раз взлетали. Выходит, двести сорок гектаров пропололи.

Стоявшая рядом с ней Анна Степановна Гудимова, маленькая женщина в платке, нагнувшись до бровей, тихонько ахнула. Она посмотрела на свои коричневые руки, потом на притихшую «Аннушку» и с радостным удивлением проговорила:

— Це ж таке чудове дило!

И все женщины поняли ее. Они тоже посмотрели на свои руки. О, эти руки знают меру труда! Знают, что значит полоть кукурузу. За день прополешь четверть гектара. А тут в общей сложности три часа работы — и сорняки убиты на площади в 240 гектаров. Чтобы сделать это, должны были бы целый день трудиться тысяча человек, а одной Гудимовой работы хватило бы на три года.

Самолет ушел. Он вернется к заходу солнца, чтобы продолжить воздушную прополку кукурузы. Всего ему надо обработать гербицидами 1200 гектаров. Сколько же это сэкономит человеческих сил, сколько женских рук освободит от тяжелого труда!

Мы идем вместе с Анной Петровной. Молчим. Я искоса смотрю на нее. Загорелое скуластое лицо ее спокойно, даже умиротворенно, как бывает у человека, сделавшего задуманное.

Что знаю я о ней? В совхозе она третий год. Но за плечами у нее без малого двадцать лет работы на полях. Она агроном по призванию, от рождения, «божьей милостью», как говорят о талантливых поэтах и художниках.

Разбегаются по сторонам поля, перепоясанные лесными полосами. Ветерок ерошит зеленые колосья озимой пшеницы, ячменя, поддерживает, словно подталкивает к солнцу, маленькие листья кукурузы. Анна Петровна оживает. Для нее каждое поле — кусочек ее жизни, трудов и тревог.

— Мне в этом совхозе нравится, — говорит Егорова. — Особенно то, что у нас любят и умеют заметить, подхватить новое. А ведь с новым хоть и трудно, но всегда интересно.

То, что Анне Петровне жижается неласково, я понял еще накануне, когда увидел ее в конторе поздно вечером. Усталая, опаленная солнцем, она сказала:

— Завтра вы меня не поймаете. В три утра уезжаю в пятое отделение.

Сейчас горячая пора на полях, и ей приходится вставать затемно, а ложиться

и о ч з е

ся в полночь. Тяжело целый день мотаться по полям. Но зато какое огромное удовлетворение испытывает и Анна Петровна и ее товарищи по работе, когда все эти недоспанные часы оборачиваются потоком золотистого зерна, реками молока, горами мяса!

В совхозе уже определили, какие сорта кукурузы наиболее пригодны для здешних мест. Но поисков не прекратили. Сейчас на полях выращивается двенадцать различных сортов — может быть, найдется еще что-нибудь получше! То же самое и с пшеницей.

Анна Петровна не говорила мне, но я-то знал, что в этих поисках ее слово далеко не последнее. Она списалась с одной украинской селекционной станцией и получила семена нового сорта пшеницы. Она ездит по совхозам, и не только Ростовской области, разыскивает все лучшее, что можно применить у себя дома.

Еще раз о женских руках

Полдень. Жара. Из открытых дверей свинарника несет хруп. Белые, черные матки, окруженные поросятами, блаженно раскинулись на холодном полу. В дверях появляется маленькая девушка, останавливается и звонко кричит:

— Гулять, мамаша, гулять!

И тут происходит что-то подобное цирковому представлению. «Мамаша» осторожно поднимаются, перешагивают через питомцев и, еще сонные, топают к выходу. А поросята продолжают похрюпывать. Девушка ласково подгоняет:

Агроном Анна Петровна Егорова.

— Ну что ты, Десятая, что, милая, не торопиться?...
Белая матка, на боку у которой синеват цифра «10», сейчас же переходит с шага на легкую рысь.

Девушка выходит из свинарника, щелкает кнутом и лихо кричит:

— Ах-ах-ах! Пошли, мамаш!

«Мамаша» бегут вперед, и, как только какая-нибудь из них юркнет в сторону, ее сейчас же останавливает голос:

— Пятнадцатая, куда? Назад.

Девушку зовут Аллой Оноприенко. Вместе со своей напарницей Раисой Дьяченко она выращивает поросят. Со дня их рождения до отъема от матки.

День у Аллы начинается рано: в пять утра она уже будит своих подопечных. Поросят выгоняет на прогулку дважды — утром и вечером (потому-то они и не шевельнулись в полдень, когда поднялись их матери), а маток — трижды. Убирает свинарник, базы-клетки, где содержатся свиньи и поросята, задает им корм.

Самое трудное — первая неделя жизни поросят. Несмысленны ведь! Ко всему их надо приучать — и сосать материнское молоко и ходить на прогулку. А прежде всего — беречь их. Тяжелые матки подавить могут, болезнь подкосит.

Выросла Алла здесь же, на главной

Валя — раздатчица, Алла — свинарка. И когда за праздничным столом собирается вся семья — дети и внуки, — Ирина Семеновна со своего председательского места оглядывает их с открытой гордостью.

Окончив восемь классов, Алла отослала документы в техникум — решила стать зоотехником, но Ирина Семеновна ни за что не хотела отпускать ее. Уже очень далеко, в Ярославскую область, в какой-то неведомый город Кологрив. Алла не решилась перечить матери, осталась, перешла в вечернюю школу и стала свинаркой.

Ей еще недостает опыта, и не научилась она добиваться таких больших привесов, как ее подруга, одна из лучших свинарок совхоза, Раиса Дьяченко. Но Алла старается. Очень любит свою работу.

— Хорошая, трудовая девушка, — сказала о ней зоотехник свинофермы Мария Пантелеевна Дудченко. — С такими, как она, трудолюбивыми и грамотными девушками, легко работать и все самое научное внедрять. Только обидно, что механизация почти нет, все руками. И тут не совхозное начальство виновато. Не придумана эта механизация для тех свинарников, где матки с поросятами содержатся, — вот в чем беда. Скорее бы ученые догадались, как ее сделать. Вот пой-

Всякую новинку — в дело

Совхоз «Ростовский» — многоотраслевое хозяйство. Он родился тридцать четыре года назад, когда началось освоение целины Задонщины. Позже неподалеку от него вырос Черноград — нынешний центр богатейшего хлеборобного и скотоводческого района.

Еще недавно, в 1956 году, совхоз сдавал государству чуть больше 600 тысяч пудов зерна, около 28 тысяч центнеров молока, четыре с половиной тысячи центнеров мяса и полмиллиона яиц. А в нынешнем году рабочие и работники совхоза обязались поставить стране более 800 тысяч пудов хлеба, 53 тысячи центнеров молока, около 20 тысяч центнеров мяса и почти 2 миллиона яиц.

За эти годы возросли посевные площади и число работающих. Но относительно меньше, чем увеличилось производство зерна, мяса, молока и яиц. В чем же дело?

Вероятно, в том, что все в совхозе — от директора Ивана Емельяновича Шамарина и до любого рабочего, — все думают, ищут новые и новые возможности расширения этого производства. Вероятно, и в том, что из года в год растет количество механических помощников полеводов и животноводов — самых различных машин и механизмов. На каждого работающего приходится шесть лошадиных сил (не считая электромоторов, занятых в животноводстве).

Самое радостное — это то, что в совхозе добились постоянного снижения себестоимости продукции. А отсюда и большие доходы. В прошлом году рассчитывали получить прибыли около 500 тысяч рублей, а фактически вышло 912 тысяч.

Когда-то на месте главной усадьбы совхоза стоял маленький хутор с мрачным названием «Злодейский». Предание гласит, что жители его занимались разбоем — грабили проезжавших по тракту. Так их и называли — «злодейские».

Давно ушли из нашей жизни волчьи законы капитализма, где процветает только сильный и богатый. По другим законам живем мы — по законам товарищества, дружбы, взаимопомощи. И высшим достоинством человека считаем его труд и талант.

Талантливы, трудолюбивы люди в совхозе «Ростовский». И делают они очень многое, чтобы стала наша страна самой богатой в мире, страной коммунизма.

Совхоз «Ростовский», Ростовской области.

Так убирают навоз на скотном дворе.
Рисунки Ю. Сотникова.

РНОТРАГОМ

Свинарка Алла Оноприенко.

усадьбе совхоза. Ее родители Федор Федорович и Ирина Семеновна Оноприенко приехали сюда, когда только окончилась война.

Несколько лет назад Федор Федорович умер: убила его война, вернее, ее тяжелые отметины — он был контужен. Оставил Федор Федорович после себя богатое наследство: большой совхоз, который он поднимал вместе с товарищами, и одиннадцать детей. Сейчас восемь из них уже вышли на самостоятельный путь. Пятеро работают в совхозе: Владимир — шофер, Виктор — тракторист, Нина — заведующая столовой,

демент в свинарник, в котором откармливаем свиней. Это же красота!

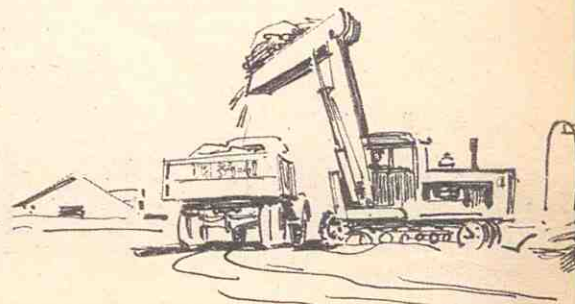
Большой корпус. Много света. Здесь содержатся две с половиной тысячи голов. А ухаживают за ними четыре человека — один механизатор и три свинарки. Корм готовится в специальной кухне, откуда по небольшому транспортеру попадает в раздаточную электрическую тележку. Она движется по рельсам и загружает кормушки, одновременно убирает навоз. Есть и скребковый транспортер, собирающий навоз в проходах. Калориферная установка и мощная вентиляция поддерживают в помещении постоянную температуру. А жижевоз в несколько минут засасывает в свое пятитонное нутро всю грязь, которая скапливается после чистки свинарника в сборной яме.

Короче говоря, настоящая фабрика с электромоторами, автоматическими приборами. Четыре человека за год выращивают 7500 свиней! А не так давно с такой работой едва справились бы шестнадцать человек.

И снова я думаю о женских руках, проворных, работающих, руках, которым так облегчила жизнь эта техника. Слово услышав мои мысли, Мария Пантелеевна говорит:

— Ничего, будет и у Аллы с Раисой такая механизация. Я верю.

И мы, Мария Пантелеевна, верим в это: будет в свиноводстве все механизировано. Только хочется, чтобы произошло это не послезавтра, а завтра — скорее.

«О» бьявляется посадка на поезд Москва—Сухуми, номер...» Интересно, почему на вокзалах из репродукторов всегда несутся такие гнусавые и скрипучие голоса, словно принадлежат они не женщинам?.. Лариса вместе с тетей Тоней заняла место около купейного вагона номер семь — сейчас потащатся курортники... Тетя Тоня приготовила книжечку с кармашками для билетов, зачем-то еще раз поручни протерла — и стоит важная, сосредоточенная, в чисто выстиранной и наглаженной форме, будто не проводник, а персоне какая. Смешно даже. Вот повалили. Тот здоровый дядечка в голубой тенниске и с желтым чемоданом явно в седьмой вагон. Так и мчит, боится опоздать. Бывают же такие — на вокзал за два часа приходят. И спешат, спешат — куда, и сами не знают. Голубой дядечка и правда подошел к седьмому вагону, стрельнул веселыми глазами на Ларису.

— Здравствуйте, это ведь седьмой вагон? — Но взгляд отскочил от ее высокомерного лица, как от непробиваемой брони. Будет тут еще каждый заигрывать! И скажи на милость, чего он улыбается? Осчастливил. Едет в нашем седьмом вагоне. Будет бросать апельсиновые корки на пол, сорить пеплом и каждые два часа спрашивать: «А чаек, девушки, скоро у вас будет?»

Тетя Тоня проверяет билет, смотрит на свет компостер.

— Ваше место пятое, второе купе, пожалуйста.

А то он сам бы не нашел свое пятое место!

Люди все идут и идут и все чаще останавливаются около седьмого вагона. Одни спокойные, другие суматошные. Одни робкие, другие — сразу видно — нахальные.

К вагону подошли трое: женщина в ярком платье, мужчина («Видный», — определила про себя Лариса) и с ними девочка лет десяти или одиннадцати, в беленьких туфельках, с белыми лентами в волосах. Мужчина протянул Ларисе два билета, она строго спросила:

— Кто едет, кто провожает?

Вопрос обязательный, можно и не отвечать, но очень уж у Ларисы строгий вид и голос строгий. Женщина с готовностью объяснила:

— Я с девочкой...

Удивительное дело: вот когда говоришь так строго, люди словно начинают бояться тебя, готовы во всем слушаться и, уж конечно, испытывают полную зависимость от тебя. Ларисе это нравилось. Бывает, правда, и по-другому, когда какой-нибудь нахал хочет, чтобы ты от него зависела, от его желаний и настроения, но Лариса не из тех, что поддаются.

Мужчина, схватив чемоданы, в сопровождении жены и дочери прошел в вагон, а через две минуты они втроем опять спустились на перрон.

Мужчина что-то говорил жене и смотрел на нее так, будто видел в последний раз и не мог наглядеться. Чудеса! Девчонке купили эскимо, она сосет и каждую минуту лезет к отцу с новым вопросом:

— Па! А мы через тоннель поедем?... Па! А там бананы растут?... А змеи там есть?..

Лариса испытывает снисходительное превосходство перед девчонкой, которая никогда не была там, где Лариса знает все наперечет: названия приморских поселков и городков, и все тоннели, и разезды, и то, как выглядит море и ночью и днем, в солнечное утро и туманный вечер, и какие из себя бананы и олеандры, и как пахнут магнолии... Это чувство превосходства Лариса испытывает перед всеми пассажирами седьмого вагона, которые, пускаясь в неведомый для себя путь, всему удивляются, всему радуются, всякая пустяковина вызывает у них телячий восторг. Но и бывалых, тех, кто знает наизусть, на какой станции сколько простоят поезд, где можно купить самые дешевые яблоки, кур, дыньки «колхозницы», какое место на побережье лучше всего выбрать для «дикого» отдыха, — таких Лариса тоже не терпит. Наверно, за то, что не может перед ними испытать превосходства. А возможно, за что-нибудь еще, — трудно сказать.

Знакомый голос поездного радиста Володи оповестил:

— До отправления поезда осталось пять минут...

А потом поезд тронулся и поехал. Мимо московских окраин, стуча на стрелках, мимо подмосковных поселков и дач, все дальше и дальше на юг, через леса, холмы и степи, через зеленые горные ущелья — к морю, к морю, к морю. Колеса уже начали выстукивать эти слова, веселые, светлые, солнечные, но Лариса сейчас не слышала их, она привыкла к ним. И надо было разносить постельное белье.

И все-таки если она что и любила в своей работе, так этот перестук колес, который уносил ее к синему, теллому морю. Все свободное время перед обратным рейсом она готова была сидеть на жесткой галечке и смотреть, как набегают волны на волну, слушать их трудолюбивый, неустанный гул... Под этот гул мечталось о чем-то неясном, светлом и необыкновенном... Необыкновенной казалась себе сама Лариса, когда глядела в светлую морскую даль и ловила на губах прохладные соленые брызги. В этих мечтах она никогда не была проводницей курортного поезда и никогда не жила среди его временных пассажиров... Кем она была, до этого она не успевала додумать, потому что важно было совсем другое... Ласковые волны подкатывались к ее стройным смуглым ногам, и радость сжимала сердце и еще — ожидание... Вся жизнь была впереди у Ларисы, и была она, Лариса, красивая-красивая и улыбаться умела хорошо — это только пассажиры седьмого вагона не знали, как она умеет улыбаться, потому что вовсе им не нужна была ее улыбка и сама она им не нужна. А морю она улыбалась. И волны бежали к ней, бежали, не уставая, хотя и очень издалека.

Иногда почему-то вспоминалось, как улыбались в ответ ей целые палаты больных людей в больнице, где она лежала лет пять назад. Почти месяц ее продержали там после того, как она стала «ходячей». За это время она научилась и перевязывать, и ставить банки, и вообще ухаживать за больными — помогала сестрам и нянечкам. Очень уж нравилось ей это дело. Больные шутили окликались ее «сестричка!», все уговаривали поступить в медицинское училище. «А потом и врачом станешь». Чудак! Врачом бы хорошо, да учиться долго надо. Так она тогда думала — не очень любила учиться. А время ушло, куда ей теперь учиться?.. Потом, когда заболел отец и она ухаживала за ним, мелькала мысль: хорошо бы быть доктором, понимать, где и почему у папы болит, уметь помочь. А когда отец умер, Лариса разозлилась на медицину: он же был молодой, как же не спасли?..

После его смерти она и попала на транспорт, напарницей к тете Тоне. Ларисе было все равно, куда идти работать, лишь бы скорей устроиться: кроме нее, у матери на руках осталось еще трое, младших.

Сидя у моря, она часто вспоминала их, младших: двух братьев и сестренку. Ждут, наверное. Она смотрела на играющее солнечными бликами море и представляла, как они побегут к ней навстречу через двор — и совсем не потому, что в руках у нее корзинки с фруктами, дешево купленными на Кубани, фрукты ребята, конечно, любят, и не видать бы им их, если б не Лариса, но радуются они не яблокам и не сливам, а старшей сестре, которая расскажет им про горы, про море, про белые пароходы...

Там, дома, был ее мир — близкий и нужный. Ее мир был и здесь, у моря, у которого так хорошо думать и вспоминать. В вагоне номер семь был чужой мир, наполненный чужими людьми. Они входили в вагон, жили в нем меньше двух суток и уходили из вагона и из ее жизни навсегда. Кто она им? Проводница, уборщица — вот кто она. А кто обращает внимание на уборщицу? И вспоминают-то о ней, только когда под ногами грязь, а если чисто — и не вспомнят, будто и не было тех рук, которые эту чистоту сделали.

Тетя Тоня вот сердится на Ларису. А что ей, пожилой женщине, нужно? Всю жизнь ездит. Попадает на доску почета — вот для нее и счастье. Скажут ей пассажиры «спасибо», она и довольна. А у Ларисы вся жизнь еще впереди, ей от этих «спасибо» не холодно и не жарко, ее и не благодарят почти что никогда, разве только самые вежливые. Впрочем, что ей от жизни надо, Лариса и сама не знала, знала только, что не этого.

В. ПЕРУАНСКАЯ

П Р О В О Д

Рисунки Н. Гордейчика.

...В вагоне царила неразбериха, какая всегда бывает вначале: пассажиры не могут разобраться в своих чемоданах, сумках, авоськах, вспомнить, где мыло, где хлеб, где шлепанцы и куда они запихнули только что купленную свежую газету.

Все знакомо. Все перевидано сотни раз. Потом мужчины облачатся в свои полосатые пижамы, в которых будут на станциях выбегать за папиросами, газетами и черствыми булочками, в них же сядут обедать на перроне в Харькове или на Белореченской, в них же потом заберутся на верхние полки спать. Женщины без конца будут вливать в детей разную снедь и каждую секунду, расталкивая курящих в коридоре мужчин, бегать в туалет: мыть фрукты, мыть руки себе, детям, потом мыть тарелку или ложку, потом снова руки... В каком-нибудь купе непременно начнется преферанс, оттуда белым столбом потянется табачный дым. В этом купе пьют чай, не замечая, сладкий ли он, горячий или холодный, и горда проезжают с таким же безразличием, с каким минуют остановки трамваев на давно знакомых улицах.

Лариса с пачками белья переходила из купе в купе, оставивалась в дверях, безразлично спрашивала:

— Постели будете брать? — небрежно бросала запечатанные пломбой свертки простынь на диван, собирала по рублю и шла дальше.

Женщина в пестром платье оказалась в одном купе с веселым дяденькой в голубой тенниске. У него не только тенниска, но и глаза были такие голубые, что он весь казался голубым, даже его розовые щеки и пухлые губы. Девочка оставилась в окно, глазает. А что там сейчас смотреть? Вот после Хадыженской — это да! Лариса, когда в первый раз увидела горы с позолоченными солнцем вершушками, темные заросли лесов по склонам, вершину «Индюк», которая оказывалась то справа, то слева от поезда в сияющем синевом южном небе, так и обмерла!

Тетя Тоня затопила титан и зазвенкала ложечками о стаканы, готовясь разносить чай.

Ларису удивляла и раздражала тети-Тонина старательность. Все ей важно: и чтобы чай был крепкий, и чтобы пельницы вычищены, и в туалете сухо. Так и шныряет по вагону с тряпкой, веником и ведром, пылесос раз пять за день вытащит, все ей кажется не чисто, не наубирается. Она сама стелет постели, словно и этим укоряет Ларису. И до всего ей дело: чтобы старушке уступили нижнюю полку (будто сами не разберутся!), чтобы ребенку не дуло и чтобы женщина, у которой много вещей, успела сойти на станции, где поезд стоит

всего две минуты. От Москвы до Сухуми весь вагон успевает с ней подружиться, даже по имени-отчеству зовут — Антонина Николаевна, и со всеми просьбами обращаются к ней, не к Ларисе. Ну и что ж! Ларисе забот меньше. А в прошлый раз один парень, который в Сочи выходил, прежде чем совсем уйти, сбежал на вокзальную площадь и принес букетик цветов. Скажи на милость! Тетя Тоня так и расплылась от удовольствия. Ясно, отчего: не молодой, хорошенькой Ларисе цветы поднесли, а ей, старой и некрасивой. Нужны Ларисе эти цветы! Не из-за них ли стараться?

Постепенно все уgomонились. Распихали свой багаж, переоделись, перезнакомились, напились чаю и занялись кто чем. Одни стояли у окон в коридоре, другие завели бесконечную дорожную беседу, в которой случайным попутчикам рассказывается порой такое, чего не знают и друзья. Говорят, откровенность эта приходит от безделья и еще оттого, что ни к чему не обязывает: выйдя из поезда, люди расходятся навсегда. В обычной жизни человек постоянно в действии, в стремлении к цели. В поезде же жизнь вдруг затормаживается, появляется досуг и возникает потребность задержать в рассказе то, мимо чего когда-то пробежал, не имея минутки, чтобы остановиться.

Мерно покачивается вагон, тихо играет музыка — радист Володя любит классическую, и сейчас что-то грустное и тревожное играет скрипка... Одни смотрят в окно и слушают ее, другие уснули под нежную мелодию, а третьи, увлеченные разговором, книгой или заняты детьми, вовсе ничего не слышат.

Из соседнего купе доносится голос тети Тони — пошла собирать стаканы да и застряла. Ее расспрашивают о погоде на юге, и она, конечно, вступает в беседу:

— Жара стоит, ни дождичка... Из моря вылезать не захотите. Не то что нынешним летом в Москве: как ни приедем — либо холод, либо дождь.

У нее еще блуждает на губах улыбка после разговора, когда она наконец приходит с полным подносом грязных стаканов. Начинает их мыть и перетирать и почему-то на этот раз не ворчит, что Лариса сидит сложа руки, а задумчиво произносит:

— Удивительное дело, какие все люди разные!.. И никогда бы их не узнал, если б они к тебе в вагон не сели.

Лариса молчит, и тетя Тоня умолкает, но все же вскоре не выдерживает долгого Ларисинаго безделья и говорит:

— Взjala бы веник, в третьем купе намусорено очень.

Лариса не откликается.

— Слыхала?

— Слыхала, — неохотно говорит Лариса. — Не баре. Перед Орлом буду убирать и у них уберу.

— До Орла еще ехать да ехать.

— Они будут свинячить, а я убирай? — огрызается Лариса.

— А тебе за то деньги платят, — уже сердится тетя Тоня. — Люди же в поезде едут — отдыхают, а мы на что тут поставлены?

— Не на то, во всяком случае, чтобы дом отдыха им здесь устраивать, — язвит Лариса, но все же поднимается и берет

НИЦА

веник. Иначе непременно начнется нотация о том, что на любом месте надо делать свое дело хорошо, — любимая тетя Тонина тема.

Досаду свою Лариса срывает на пассажирах. Метет прямо по ногам, нещадно пылит сухим веником — самой противно — и ворчит:

— Дома, небось, себе этого не позволите...

Та самая женщина с девочкой виновато объясняет:

— Кулек нечаянно рзоровался, вот и просыпалось.

— Нечаянно! — ехидничает Лариса. — Руки у вас дырявые.

Женщина виновато молчит. Лицо ее заливается краской. Почему-то так бывает, что от грубости краснеют не те, кто себе ее позволяет, а те, которым приходится ее нести. Лариса собирает мусор в совок, разгибает спину и неожиданно видит перед собой человека в голубой тенниске. Только глаза у него сейчас не голубые, а темные, они не улыбаются, как давеча, и весь он больше не кажется голубым. Светлые и мохнатые, как колоски ржи, брови сдвинулись к переносью, и он говорит, словно камнями в Ларису бросает:

— Мы едем с вами меньше трех часов, а вы уже успели половине вагона настроение испортить!

Лариса смутно понимает, что «половина вагона» — это бесовское преувеличение, но она не может возразить и поспорить, потому что догадывается: не в половине или четверти вагона дело, а в том, что добрый и веселый человек стал злым и несправедливым, и виной тому она, Лариса. Поэтому она ничего не говорит насчет полвагона и не огрызается, как обычно. Она вообще ничего не говорит, потому что не знает, что можно ответить этому рассерженному человеку. Но его не смягчает ее неожиданная растерянность, и, когда она оказывается уже около своего служебного купе, до нее доносится его жесткий голос:

— Таких надо с транспорта метлой гнать. И вообще ото всюду, где дело приходится иметь с людьми!

Почему-то последние слова кажутся Ларисе особенно обидными и несправедливыми... Она ловит укоризненный взгляд тети Тони и сразу отводит глаза. Садится на скамью и глядит в окно. Лес подступил к самому поезду — светлый по опушкам, весь в солнечных зайчиках. Откуда людям знать, как ей не нравятся ее работа?.. Десятки поездов у каждого в жизни, а у Ларисы один-единственный. Шныряет туда-сюда — никуда не увозит и никуда не привозит.

Раньше тоже многие ругали Ларису. И пассажиры и тетя Тоня. Но от нее все отскакивало, не входило в ее личную, глубоко запрятанную от всех жизнь. А сегодня... Почему-то все время вспоминалось, как это «голубой» дядька подходил к вагону самый первый, торопился, и улыбался во весь рот, и на Ларису посмотрел, как смотрят обычно люди, которые в каждом хотят видеть только хорошее. Вспоминала и другой его взгляд, недобрый и колющий, словно навсегда отделивший Ларису от того мира, который он любил и которому доверял...

— Тула сейчас, — напомнила тетя Тоня, и Лариса послушно поднялась и пошла в тамбур.

Отперла дверь и, когда поезд подплыл к платформе, вытерла поручни, открыла ступеньки. Никто здесь не садился — все места заняты до самой Лазаревской, а пассажирам не наскучила еще езда — почти никто не вышел прогуляться по платформе. Но женщина в пестром платье и «голубой» дядька вышли. Мимо Ларисы прошли, как мимо столба, и стали прогуливаться вдоль состава. Девчонка, наверно, глазела на них из окна в коридоре, потому что, дойдя до середины вагона,

женщина всякий раз поворачивала голову и улыбалась. У нее было хорошее настроение, и удивляться тут нечему. Ее никто не отчитывал, не говорил, что ее к людям подпускать близко нельзя, и никто не проходил мимо нее, как мимо столба. Она смеялась и говорила:

— Я думала, вы москвич, очень уж у вас говор московский.

Он отвечал:

— Родился и вырос в Москве, оттого, наверно. А после войны попал в Свердловск, там и остался. И жена у меня свердловчанка.

Они уходили от вагона, и Лариса больше ничего не слышала. Потом возвращались.

— Я сандружинницей была на фронте, — говорила женщина в тот момент, когда они снова приблизились. — Сразу после десятого класса...

Лариса ужасно удивилась. Невозможно было представить эту нарядную, холеную женщину сандружинницей на фронте. В грубой шинели. С обветренными, измученными руками. Сейчас на руке с наманикюренными пальцами золотые часики. Вообще Ларисе всегда казалось, что воевали одни люди — те, про которых пишут в книгах и показывают в кино, — а теперь ходят по улицам и ездят в поездах другие. А оказывается, те же. Никогда эта мысль раньше не приходила Ларисе в голову. Связи пассажиров седьмого вагона с внешним миром ограничивались для нее номером места и пунктом назначения. Протеть Тоню она знала: та в войну ездила в санитарном поезде, но тетю Тоню вообще легко было представить себе в шинели. Она и теперь в шинели, только в черной.

Женщина в пестром платье и ее спутник снова подошли к вагону, когда поезд уже трогался. «Голубой» совсем уже на ходу встал на ступеньку. Но Лариса промолчала и не подумала, как обычно: ходят тут всякие, прыгают, отвечай потом за них. У нее были какие-то совсем другие мысли.

Уже в коридоре женщина тихо досказывала свою историю, а Лариса, делая вид, что возится у титана, старалась не упустить ни слова.

— Все считали, что мне надо идти в медицинский... А я насмотрелась крови, страданий — ни за что!

«Вот дура-то! — подумала Лариса. — Десять классов, фронтовичка — и не пошла в медицинский!»

— Еще в школе я геологический рвалась... Его и закончила. Три года не решалась подавать документы. И перезабыла все, и муж был против. Он, конечно, вслух не возражал, но я знала: не хочет. А теперь месяцами не видимся. Он — в Москве, а я — то в Сибири, то в Средней Азии. Даже в отпуск вместе не удалось...

«То-то он так смотрел на нее, — вспомнила Лариса. И еще подумала: — А она молодец! Чего захотела — добилась».

Пассажиры ушли в купе, и Лариса тоже вернулась к себе. Вечером они сидели с тетей Тоней, отдыхали. Как всегда, почти не разговаривали. Неожиданно Лариса сказала:

— Эта женщина, что с девчонкой, в пестром платье, на фронте сандружинницей была. Не поверишь, правда?

— Чего ж не поверить? — не сразу откликнулась тетя Тоня. — Если про всех людей, которые в поездах едут, все узнать, — и не то еще окажется. Каких только героев не возил! И не обязательно кто на фронте был. В жизни героев много, а кто про них знает? — Она о чем-то грустно задумалась, потом встала и полезла в шкаф за стаканами.

Лариса тоже поднялась. За окном сгустились сумерки. Поезд как на крыльях мчался сквозь них — легкий, быстрый, словно и не из железа... Он мчался и мчал людей и Ларису тоже мчал — первый раз она ощутила это — куда-то в жизнь, к людям.

В синей мгле за оконным стеклом плыли рядом с поездом вагонные огни, и Лариса среди них увидела себя: не в белой форменной тужурке, нет! В белом халате и в белой, высокой такой шапочке — очень к лицу будет ей такая шапочка... Шприц в руках или пузырек с лекарством — а больной ждет, вот придет Лариса, и сразу ему станет легче... Лариса улыбнулась синей мгле и себе тоже. А вдруг бы попал к ней «голубой» дядечка? Узнал бы тогда, какие у нее руки — мягкие, ловкие, умелые... И снова бы принял к себе — туда, где люди, которым он верит, о которых знает, что они хорошие... А крови она не боялась. И страданий тоже. Надо, чтобы их было меньше. И чтобы не умирали никогда такие молодые, как отец... Та, в пестром, вон сколько не училась — сумела же все вспомнить и опять учиться. Ларисе-то ведь прощай...

«...За восьмой класс я книжки у брата возыму, — думала она, засыпая на верхней полке. — Мать, небось, уже купила... А пока поезжу, ничего...»

КОЛЛЕКТИВ — ЭТО ДРУЖБА

Обзор писем читателей

Галю Ч., работницу 4-го цеха Московской швейной фабрики № 9, никто не мог упрекнуть в нерадивости. Нет, работница она хорошая. А вот обращаться с людьми не умела: грубила, слова спокойно, бывало, не скажет — все криком. Случалось, своими выходками до слез девчат доводила. Пытались делать ей замечания, а у нее одно оправдание: «Такой уж я человек, не переделаеете».

Потерпели, потерпели в бригаде и не выдержали. Собрали специальную «летучку» и сказали:

— Хватит, Галина! Или ты будешь вести себя, как подобает, или никто из бригады даже откликаться на твоё обращение не станет. Разговаривать с грубиянкой мы считаем для себя оскорблением.

На этот раз плакала сама Галина. А у ее подруг уже через месяц-полтора появились основания ей сказать: «Между прочим, не такая уж ты неисправимая».

Было в цехе и ЧП, и вышедшую в тот день «Молнию» точнее было бы назвать «Набатом» — так она всех взбудоражила. Что же случилось? Три подруги поехали отдыхать на юг, и бригада выхлопотала им по неделе дополнительного отпуска, взяв на себя всю их работу. Каково же было всеобщее возмущение, когда отпускники вернулись с опозданием на три дня! Правда, они привезли какие-то оправдательные справки, но коллектив судил их со всей строгостью. Это же нечестно и безответственно — так отплатить товарищам за их чуткость!

А может быть, швейницы излишне придирчивы? Может, нужно быть более терпимыми к человеческим слабостям, к отдельным промахам и недостаткам? Так ли уж важно для бригады или цеха, вежлив человек или груб, скромн или не очень?

В третьем номере «Работницы» напечатано открытое письмо к испытательницам одного из цехов ленинградского завода «Светлана», озаглавленное «А целой цепи нет...».

Да, в этом коллективе коммунистического труда все выполняют и перевыполняют нормы. Да, испытательницы работают добросовестно, без брака, успешно осваивают новые установки и новые приемы испытаний. Да, многие девушки учатся в техникумах и институтах, многие — активные общественницы. И все-таки редакция сочла нужным рассказать читателям совсем о другом: о том, что на участке нет настоящей дружбы, что здесь не находят осуждения недоброжелательство, недоверие, зависть.

Во многих бригадах и цехах разных предприятий страны обсуждалось выступление журнала, и редакционная почта все еще приносит отклики читателей.

В письме Н. Садиковой из Рубцовска есть такой вопрос к редакции: «Неужели вы считаете, что в коллективах коммунистического труда все идет гладко и безупречно, что там какие-то особенные, идеальные люди?»

Нет, никакие они не особенные. Обыкновенные хорошие советские люди. Только ко всему, что делают, они подходят с более высокой и строгой меркой, и многое из того, что для некоторых пока еще обязанность, для них все больше становится нормой, привычкой, убеждением. Не зря же их зовут гвардейцами коммунистического строительства! Они, как сказал Н. С. Хрущев, «прокладывают путь главным силам». А такое доверяется самым умелым и стойким, самым надежным.

Бригаде, участку, цеху присвоено звание коллектива коммунистического труда. Значит ли это, что теперь коллектив гарантирован от промахов и недостатков? Вовсе нет. Но дело в том, как к ним относятся: объявляют ли им беспощадную войну, как это делают швейники Московской фабрики № 9, или мирятся с ними, привыкают к ним, словно к накипи в чайнике. Ни у одного коллектива нет права на такое равнодушие, а у коллектива коммунистического труда — тем более. Здесь в людях должно воспитываться все новое и лучшее. А это процесс длительный. И не случайно уже с самого начала в заповедях передовых бригад говорилось не только о том, как будет трудиться рабочий, но и о том, каким он будет человеком.

Авторы писем рассказывают и размышляют, делаются наболевшим.

«Не любила у нас одна работница признавать себя виноватой, а на других наговаривала, всех против лучших возглавляла», — пишет нам А. Кравцова из Ростова-на-Дону. — И хоть она была старше большинства из нас, мы суме-

ли на нее воздействовать: не могли же мы из уважения к ее возрасту позволять ей портить настроение всей бригаде».

А ведь случается, что человеку прощают многие его слабости да и пороки из-за каких-то прошлых его заслуг или из-за того, что он хороший мастер. И «оправдание» находят: для производства, дескать, важно выполнение плана, а все остальное — второстепенное. Нет, не может быть для коллектива второстепенным то, как человек живет, как он относится к людям, каков он дома.

«У нас до недавнего времени было такое», — читаем в письме А. Николаевой, работницы Астраханского рыбокомбината. — «Каждый думал лишь о себе, стремился выполнить только свои обязательства. Вот мы и задумались: «Какая же мы бригада коммунистического труда, если каждый только о себе заботится?» Решили иначе организовать работу, и теперь о том времени даже вспоминать стыдно. Работать стало куда лучше, и мы попросили руководство цеха повысить нам норму на 5 процентов. И все отлично справляемся».

«Мы живем как одна семья», — с радостью сообщают контролер смены коммунистического труда А. Мокина, работницы Исаева и Шкуро из Днепродзержинска.

«У нас полное взаимное доверие», — пишет В. Панкратова с Харьковского электростроительного завода.

На редакционном столе добрые вести из многих коллективов. Ответили на выступление журнала и сами светлановцы. «Коллектив цеха работает сейчас более слаженно и дружно, настойчиво устраняет отмеченные журналом недостатки», — сообщает секретарь парткома завода В. П. Коргунова.

М. ВОСКРЕСЕНСКАЯ

Слепой дождь

Галина МИЛЯВСКАЯ

Дождь идет,
а небо и не хмурится.
Дождь идет
по кременчугским улицам.
Он идет, слепой,
а солнце ярится:
«Дождь при мне?!
Я начинаю стариться!»
Дождь не слеп —
он только притворяется.
Он на Днепр,
он к парку направляется.

И кусты,
расставив лапки жадные,
Быстро ловят
капельки прохладные.
Равно
и дождю и солнцу рады мы.
Дождь и солнце
заплетают радугу.
Солнце рассмеялось
и не дуется.
Словно
дождь и солнце
состязаются.

г. Кременчуг.

Мам, где цвелебу

Автобус с табличкой «Душанбе — Нурек», быстро выбравшись за пределы города, затарахтел по шоссе среди покрытых свежей зеленью полей, огородов и вскоре начал взбираться вверх. Чем выше мы поднимались, тем строже становились горы, скупее одевающая их зелень, тоньше слой плодородной земли. Струйки водопадов выгрызали в скалах узкие желоба и летели вниз, все в искристых брызгах и пене... Золотистый шиповник цвел, прикрившись на кручах, и водяные капли сверкали на его лепестках.

После перевала Чермазак автобус покатился вниз. Поворот, поворот, поворот... То скрывается, то показывается в глубокой долине Вахш — большая река, бегущая среди серых галечниковых отмелей; мелькают клочки пашен на крутых склонах, седые кусты полины и прозрачные, как кружево, светло-серебристые махты — опоры линии электропередачи, соединенные почти невидимыми нитями проводов. Линия вышагивает кратчайшим путем, то опускаясь в долины, то взлетая на гребни хребтов. Это она сейчас вскармливает и дает силу младенцу, которому суждено стать гигантом — будущей Нурекской ГЭС.

Автобус спустился в долину, Вахш потерялся среди плоских террас, зеленые склоны расступились — и вот он, Нурек, город будущего и будущий город.

Совсем недавно Нурек был малоизвестным кишлаком. Здесь и сейчас стоят маленькие, подслеповатые, окруженные тяжелыми глиняными дувалами саманные домики. Но рядом уже поднимаются новые здания. Влево от шоссе выстроился целый «порядок» двухэтажных домов с балконами, светлое и просторное здание детского сада и самое заметное строение. Нурека — новая школа. Строятся двух-, трех-, четырехэтажные дома. В недалеком будущем в Нуреке будут жить 35 тысяч человек. Как в каждом городе, здесь запланированы и стадионы, и широкоэкранный кинотеатр, и различные магазины.

В Нуреке я встретила с крановщицей сибирячкой Лидией Григорьевной Шубалиной. Вместе с мужем, шофером, она работала на строительстве Братской ГЭС. Шубалина немногословна. Разговор ведет не спеша, раздумчиво, лицо у нее

спокойное, а движения сильных рук неторопливы и точны. Но так же по-сибирски «неторопливо» она систематически перевыполняет план.

В Братске Шубалина овладела двумя специальностями — бетонщицы и крановщицы. Вторая ей нравится больше.

— Работа моя, — говорит Лидия Григорьевна, — хорошая, кран своей люблю, с него далеко все видно...

И в самом деле из кабины как на ладони видны и стройка, и Вахш, и дорога, по которой бегут и бегут машины с цементом, бревнами, проволокой. Туда же, куда бегут они, отправляюсь и я. Вахш несется навстречу, мутный, кофейно-красный, стремительный.

Город кончился, но по правому склону тянутся строения поселка Лянгар, где живут строители, и фундаменты будущих зданий, и мастерские, и бетонно-растворный узел, и электрическая подстанция. Здесь командует главный энергетик Валерий Саакян.

Долина Вахша постепенно сужается, склоны ее становятся почти отвесными. На правом берегу, близ реки, трудится мощный экскаватор «ЭКГ-4», за один «укус» выхватывающий четыре кубометра грунта. Его обслуживают четыре самосвала-гиганта — 25-тонные «МАЗы».

— Экскаватор готовит площадку для здания электростанции, — объяснил Саакян. — Вот здесь она и разместится, возле нижнего бьефа плотины.

— А как к ней подойдет вода?

— От берега водохранилища в скалах склона пробьют три тоннеля, каждый из них возле станции разделится еще на три и таким образом обслужит три турбины. Всего на станции будут работать девять турбин мощностью триста тысяч киловатт каждая.

Я стараюсь представить себе будущее здание станции, светлые ее залы, машины, быстрое вращение огромных турбин... Сколько еще труда будет вложено, прежде чем поднимется плотина, прежде чем засияют огни!

На обочине густо припудренного белой пылью шоссе стоит невысокий столбик. На нем жестяная табличка. Столбик как столбик, и табличка маленькая, невзрачная. На ней надпись: «Створ плотины». И от этих коротких слов столбик необычайно вырастает в моих глазах, и я смотрю на него с невольным почтением.

Итак, «это» будет здесь. Здесь перегородит своею равную реку плотина, какой не было еще нигде в мире, плотина высотой в триста метров, «небоскреб» почти в сотню этажей. Понизу ширина плотины будет равна 1 километру, а поверху — 14 метрам. Склоны ущелья круты, местами даже отвесны и покрыты плащом осыпей, на которых зеленеет трава. Эти осыпи уберут. И не только их, но и верхний, выветрившийся слой скалы. Все, что непрочно, смоят, счистят, соскребнут. Скала, к которой

примкнет тело плотины, должна быть, «как новая», и не иметь никаких изъянов. Трехсотметровая плотина подойдет довольно близко к гребню гор. И там, за гребнем, протянется новая дорога — ее уже начали строить.

На шоссе вышли взрывники, и худощавый невысокий таджик взмахом красного флажка остановил все движение. Одна, вторая... И вот уже стоит целая вереница машин. Из раскаленных солнцем кабин выбрались шоферы и с удовольствием прилегли на теплую землю, на молодую траву.

— На дне моря лежим, ребята! — засмеялся молодой, пропыленный до зубов шофер. — То-то житуха будет, когда вода соберется!

— Загорай да рыбу лови, — играя травинкой, лениво отозвался сосед. Он лежал, закрыв глаза, на спине, подставив солнцу дочерна загорелое белобровое лицо.

Грохнул недалекий взрыв, за ним второй, третий... Прогремело, отозвавшись им, эхо, сбежали по скалам каменные ручейки, и все стихло. Взрывник снова махнул флажком. Шоферы заторопились к машинам.

Я продолжала свой путь вверх по Вахшу. Скалы сошлись совсем близко. Кажется, разбежишься — и перепрыгнешь с одного берега на другой. Вот хорошо известный по фотографиям Пулисангинский мост через Вахш. Его длина — всего четыре метра. Он очень красив и кажется удивительно легким. С неистовой силой Вахш, зажатый в узкой щели, бьется о камни, пилит их, грызет.

Зимой и весной расход воды в реке сравнительно невелик: в секунду она несет 160—200 кубических метров воды. Но летом, когда бурно тают питающие Вахш снега и ледники Памира, количество воды в реке увеличивается в 15—20 раз и река переносит 4 тысячи и больше кубометров воды в секунду.

Крепки же скалы по берегам Вахша, если при всей своей буйной силе он за многие тысячелетия смог пропилить в них только такую узкую дорожку!

Ниже, сделав знаменитую Нурекскую петлю, река вырывается на широкую долину. Еще в 30-х годах в Вахшской долине построили крупный канал и засеяли иссохшие, но плодородные земли лучшими сортами хлопка. Вахшская долина дает и фрукты, и виноград, и даже сахарный тростник. Две гидроэлектростанции — Перепадная на канале и Головная на Вахше — уже работают; строится третья — Центральная. Там, в нижнем течении, Вахш уже работает на человека. Здесь он еще дикий, неприрученный зверь.

Я смотрю на бешеную воду с моста. Ну где еще найдешь такую реку, чтоб ее ширина была во много раз меньше, чем глубина?

«Пули сангин» в переводе на русский значит «каменный мост». Он существовал еще в глубокой древности. Здесь проходил караванный путь из Афгани-

У карты родной страны

Тюльпаны

стана, Индии, Китая. Вблизи шоссе находят остатки крепостей и караван-сараяв, а раскопки археологов рассказывают нам о жизни людей в этих местах.

Может быть, именно здесь прошел со своими войсками в IV веке до нашей эры завоеватель Искандер — Александр Македонский, оставивший о себе столько легенд... Кто знает, может быть, и он и его воины сражались на крутых берегах Вахша и какой-нибудь смельчак, обвязанный веревкой, спускался вниз, чтобы принести товарищам вахшской воды?..

Здесь, в самом узком месте, перегородит реку гигантская плотина. Выше нее на восемьдесят километров вверх по ущелью протянется Вахшское море. Оно соберет в себе десять с половиной миллиардов кубических метров воды.

Ну, а что же будет с Вахшем во время строительства плотины? Обычно при сооружении гидростанции основное русло закрывают перемычкой, реку отводят в сторону и потом на сухом месте производят все необходимые работы. А здесь? Здесь оба берега Вахша — высокие горные хребты, и «убирать» реку некуда. Как же быть? Проектировщики приняли такое решение: пропустить Вахш временно через тоннели. К каждому из них для облегчения работ и вывозки грунта пробивают несколько штолен. Я подхожу к входному portalу штольни первого тоннеля. Она так просторна, что в нее совершенно свободно въезжают экскаваторы и грузовые машины. В свете электрических лампочек видны влажно блестящие каменные стены и черные лужи воды на земле.

Под землю без провожатого идти нельзя. Мне выдают резиновую спецовку, сапоги, защитную каску, и, выслушав целый ряд наставлений о том, как следует вести себя в тоннеле, я отправляюсь «в земные глубины» вместе с бригадиром проходчиков.

Из темноты доносятся равномерные вздохи, какие-то рокошующие звуки.

— Продувка, — прислушавшись, коротко сообщает бригадир. — В забое мои ребята работают. Подойдем — увидим.

Продувкой ведает Галина Васильевна Солдаткина. Ей двадцать семь лет, но она уже опытный работник. У себя на родине, в Сибири, она тоже работала на одном из тоннельных участков строительства железной дороги Абакан — Тайшет, а сейчас вместе с мужем, механиком, и двумя ребятами перекочевала на берега Вахша.

Насос, которым управляет Галина Васильевна, по длинным шлангам посылает в пробуренные шпурсы сильную струю сжатого воздуха, и он начисто продвигает их. После продувки взрывники могут закладывать в отверстия взрывчатку... И грохнут взрывы, вырывая из скал массивные глыбы. Тогда подойдут бульдозеры, экскаваторы, самосвалы. Работы почти полностью механизированы.

...Ослепительно ярким показался солнечный день, когда я вышла наружу. Высокое небо побелело, скалы разогрелись, поникла листва. И только Вахш был все так же суров и стремителен, и темные воды с ожесточением бились о теснившие его берега.

Мне захотелось посмотреть на долину сверху, и я начала подниматься по крутому склону. С высоты хорошо были видны и Нурек, и строительная площадка ГЭС, и узкая расщелина Вахша. «Молния ударила в скалы и побежала, извиваясь, между гор, и там, где она легла, потекла вода...» — вспомнилась строчка старинной легенды.

Вот как рассказывают ее старики.

Красавицу девушку Бике полюбил молодой богатырь Болто, и она так же крепко полюбила его. Но не меньше, чем Болто, любила девушка свой народ, и она сказала Болто, что лишь тогда станет его женой, когда он, перегородив плотиной Вахш, пустит воду на поля дехкан-таджиков...

Но Болто не послушал Бике. Темной ночью на быстром коне он подобрался к ее дому, подхватил спящую девушку, перекинул через седло и помчался в горы. И тогда среди ясного неба ударил гром и блеснула молния... Вода Вахша устремилась по новому руслу. Испугался Болто, опустил девушку на землю, руками стал отрывать каменные глыбы и бросать их в реку. И вода остановилась перед высокой плотиной. По плотине Бике бросилась навстречу Болто, и он поспешил к ней. Но коварный Вахш собрал все свои силы, плотина рухнула, и в волнах разъяренной реки погибли Бике и Болто...

«Ну, Вахш, — думала я, — теперь тебя не такой плотиной перегородят... Не вырвешься!»

Будущую ГЭС часто называют «энергетическим котлом». Около 12 миллиардов киловатт-часов электроэнергии в год — такова производительность станции. Это почти в десять раз больше, чем дают сейчас все электростанции Таджикистана, больше, чем вырабатывает Волжская ГЭС имени Ленина или ГЭС имени XXII съезда КПСС около Волгограда.

Энергия НурГЭС будет очень дешевой: стоимость одного киловатт-часа составит примерно 0,027 копейки. Эта электроэнергия пойдет в Яванскую долину, соседствующую с Вахшской, где строят огромный энергохимический комбинат, который будет вырабатывать из местного сырья искусственный каучук и соду, полиэтилен, капрон и удобрения, пластические массы, магний и натрий, ядохимикаты и еще многое другое.

По самой высокогорной в мире линии электропередачи энергия НурГЭС потечет в соседний Узбекистан, ускорит строительство крупного химкомбината в Туркмени, поднимет воду на расположенные в горах плодородные земли, об-

В ущелье Вахша скальный экскаватор пробивает дорогу к месту отсыпки первой очереди плотины НурГЭС.

Фото А. Полянова (ТАСС).

легчит трудоемкие сельскохозяйственные работы.

Вода, собранная в Нурекском водохранилище, орошит земли. Плодородные почвы, получившие в изобилии воду, согретые щедром солнцем, сторицей воздадут за вложенный в них труд, больше будут давать хлопка, винограда, овощей.

Ну, а горы, занимающие более девяти десятых поверхности Таджикистана, это что же, «пустые места», досадная помеха?

Разумеется, нет. В горах скрыто огромное количество полезных ископаемых: разнообразные руды, нефть, соль, слюда, асбест, уголь... Для их разработки в первую очередь нужна электроэнергия. Ее в изобилии даст Нурекская ГЭС.

...Из своего тихого уголка я смотрю на крутые склоны, на поблескивающую темным золотом воду Вахша, на яркие красные огоньки тюльпанов, пламенеющих в солнечных лучах, и они кажутся мне маленькими флажками победы.

Строительная площадка НурГЭС.

Витка Рыбаков сидит на полу возле окна, прижавшись спиной к трубам парового отопления. Перед ним на разостланной газете старый радиоприемник. Разбирая его на части, Витка деловито сортирует детали — продолговатые серебристые лампы, мудреные металлические штучки с торчащими во все стороны проводами. При этом Витка с удовольствием произносит название каждой детали: «Переменный конденсатор... Так, пригодится!.. Лампа кенотрон шесть це пять эс... Горелая, долой ее! Сопротивление — проверим...» Дома никого нет, но Витка разговаривает вслух, наслаждаясь свободой и интересным занятием.

В дверь стучатся.

— Кто там? — сурово спрашивает Витка, не отрывая взгляда от своих богатств.

В комнату просовывается худенькое личико с острым подбородком. Это Женька Тараканов, по прозвищу «Таракан», Витин одноклассник, сосед по двору, а с недавнего времени — приятель. Сдружились они с тех пор, как Женька, оставшись на второй год, был посажен с Витей за одну парту. Возможно, причиной дружбы была и любовь к радиотехнике. Тихий Витя, который запоем читал всякие книжки про радио, оказался главарем, а отчаянный Таракан, хоть и бунтовал иногда, в общем, безропотно подчинялся ему.

— Вить, пойдешь гулять? — спрашивает Женька.

— Не, я занят...

— А что это у тебя?

Женька входит и присаживается возле Витки на корточки.

— Ого! Приемник... Где взял?

— Старый. Нашел на свалке. Конструкция, конечно, никуда. А гляди-ка, сколько деталей! Что хочешь можно собрать... Вот люди — выкидывают!

Витка крутит головой, осуждая легкомысленных владельцев приемника, и начинает показывать приятелю детали. Он показывает не торопясь, со знанием дела, немножко рисуясь своей осведомленностью. А Женька слушает с восторгом, впитывая каждое слово, и даже рот его приоткрыт от внимания и интереса.

— Что это вы тут расселись?

Это вернулась с работы Витина мать, Анна Петровна. Шлепает на стол тяжелую сумку с продуктами, с грохотом отодвигает стул... Витя и Женька торопливо собирают в коробку детали: сейчас не до приемника.

— Ну, я пошел, Вить. Выходи во двор, ладно? — негромко говорит Женька.

— Никуда он не пойдет! — решительно и сердито говорит Анна Петровна. — Ты, Женья, его не сманивай. И сам лучше бы дома сидел, уроки делал... Ведь в дневнике, наверное, двойки опять.

Женькино лицо, только что такое счастливое, мгновенно становится злым и постаревшим. Не глядя на Анну Петровну, он молча бредет к двери. Витка тоже молчит и, отвернувшись, собирает детали: мать устала, лучше помолчать. Но Анна Петровна не в духе.

— Сколько раз тебе говорила: не водись ты с Женькой! Нечего сказать, нашел дружка — во всем дворе нет хуже. Хулиган он, его бы в колонию...

Витка вздыхает. Мать уже не первый раз выговаривает ему за дружбу с Женькой и пугает: если, мол, Витка не бросит водиться с Тараканом, то сам станет таким же хулиганом.

Но почему? Вот если посидела бы мать с Женькой за одной партой, то, наверное, не говорила бы так. Никакой он не хулиган, а просто юла, как говорит Анна Глебовна, математичка. Анна Глебовна любит Женьку, и по арифметике у него никогда нет двоек: задачи он решает лучше всех. А на второй год он остался — так это каждый нахватает двоек, если целыми днями будет болтаться во дворе.

Матери у Женьки нет. Только отец да братья, и все работают. Да еще дед больной. И за что Женьку в колонию? Разве он вор какой? Телефонные трубки в автоматах он действительно срезал. Было. Наушники хотел сделать. Его в милиции здорово ругали, но в колонию не прозвали отправить, а просто стыдили и вызывали родных. С отца взяли штраф, а Женьке посоветовали записаться в радиокружок. Но пятиклассников в радиокружки еще не записывают. И они с Женькой решили делать приемник сами...

Витка очень хотел бы все это объяснить матери. Но когда он начинает говорить, получается нескладно и непонятно. Нужные слова не идут на язык, Витка запинаясь, путает. И мама еще пуще сердится, называет его размазней и тряпкой.

Витка обижается. И оттого, что обижается, перестает спорить.

Вот Анна Глебовна, та все понимает: «Я тебе, Витя, доверяю. Ты Женьке очень подходящий товарищ. Ты твердый, а он юла...»

«Твердый» — вот как говорит Анна Глебовна. А мать не верит! Но иногда, когда мать вот так настраивает его, наговорит про Женьку всякого, Витя и сам глядит на друга с неприязнью. Почему, на самом-то деле, он должен столько терпеть дома из-за Таракана? Спросит его что-нибудь Женька, подвинется к нему на парте, а Витка его локтем: отстань! Но потом увидит в журнале новую схему приемника или раздобудет какую-нибудь редкую де-

таль — и к Женьке. Кому же расскажешь, если не ему? И как можно бросить дружбу, раз они дали клятву стать космическими радистами?

...Мать накрыла на стол, позвала Витку, налила ему полную тарелку густых, вкусно пахнущих мясом и свежей капустой щей.

— С хлебом ешь! Худой ты стал какой...

Витка ест с аппетитом: проголодался, — даже мясо не успевает как следует прожевывать. Ест — и вдруг застывает с ложкой во рту: он вспоминает, как Женька уходил из комнаты. Как побитая собачонка. И почему-то ему кажется, что Женька сейчас сидит дома голодный и ждет, когда придут с работы отец и братья. А приходят они с завода поздно, как его, Витин, отец.

От этих мыслей Витке становится тоскливо.

— Мам, у меня голова болит, — говорит он, отодвигая тарелку. — Можно, я гулять пойду?

— Только не с Женькой, — предупреждает мать. — Слышишь, сынок? — Угу...

— И долго не гуляй.

— Ладно, мам!

Во дворе Витка находит Женьку. Он стоит с большими мальчишками из соседнего дома, и Витка еще издали замечает у него во рту дымящуюся папиросу. При этом Таракан смотрит на друга вызывающе: да, курю. Что хочу, то и делаю. Ты мне не указчик!

В другой раз Витка нашел бы что

БЕССЕРДЕЧНЫЙ ЗАВЕДУЮЩИЙ РОДИЛЬНЫМ ДОМОМ

Глава из книги

Пасионария, «пламенная», — так миллионы людей называют Долорес Ибаррури, председателя Коммунистической партии Испании, страстного борца за интересы трудового народа.

Долорес родилась и выросла среди шахтеров в стране басков. Она была восьмым ребенком в семье шахтера-подрывника и с детства прониклась ненавистью к эксплуататорам.

С 20 лет Долорес активно участвует в рабочем движении. Она — один из организаторов Коммунистической партии Испании.

Не раз Ибаррури арестовывали, бросали в тюрьму, но это вызывало таную волну народного гнева, что власти вынуждены были ее освободить.

В феврале 1936 года, после победы Народного фронта, Ибаррури была избрана депутатом парламента.

Огромны ее заслуги в борьбе народа против мятежников Франко и германо-итальянских фашистов. Пасионария всегда была на самых опасных и решающих участках фронта. Ее пламенные слова: «Лучше умереть стоя, чем жить на коленях!» — стали бессмертными.

«Я не знаю, что мне готовит жизнь, но я знаю, что дорога борьбы за социализм, которую я выбрала, — единственный путь, существующий для нас», — пишет Долорес Ибаррури в своей автобиографической книге «Единственный путь», изданной Госполитиздатом.

Мы помещаем одну главу из этой увлекательной книги.

В месяцы, предшествовавшие франкистскому мятежу, я жила в Мадриде в доме одного железнодорожного служащего, коммуниста. Он содержал скромную столовую на улице Галилея, напротив редакции «Мундо обреро».

Я была единственной квартиросъемщицей в доме, и со мной обращались по-дружески, как с членом семьи: они старались помочь мне во всем и сделать приятным пребывание в их доме. Ко мне относились тепло не только хозяева, но

и постоянные посетители столовой, всегда готовые пошутить со мной или перебраться парой дружеских слов.

Моя комната на улице Галилея постепенно превратилась в почтовое отделение — так много писем приходило мне. Среди этих писем были и не очень приятные. Из угроз и ругательств, которыми заполняли свои гнусные письма «благородные люди», с тех пор как я стала депутатом, можно было бы составить целую антологию. Но авторы боль-

шинства писем обращались ко мне за помощью.

Вернувшись после первомайских празднеств из Астурии, я столкнулась у входа в столовую с каким-то рабочим, одетым так бедно (ведь и в бедности есть своя иерархия, и мне это известно по собственному опыту), что без слов было ясно: этого человека нужда отметила особо.

Он подошел ко мне.

— Вы Пасионария?

— Да.

— Я безработный. По профессии каменщик, но

уже несколько месяцев не имею работы. Вот посмотрите.

Он извлек из кармана куртки лачку ломбардных квитанций. Все было заложено: от тюфяка до ботинок.

— Но это еще не самое худшее. Я сейчас нахожусь в таком отчаянном положении, что не знаю, как из него выпутаться. Я готов совершить какую-нибудь глупость. Жена находилась в родильном доме, но ее выбросили оттуда на улицу вместе с соседкой по палате как раз перед самыми

сказать Таракану. Он отвел бы его в сторону и спросил, почему тот продает слово: ведь решили же они не курить, раз готовятся в космонавты! Но сегодня, после того как мать выгнала Женьку, говорить это неохота. Засунув руки в карманы, Витька молча становится рядом. Он отлично видит, что Таракан обижен и курит ему назло...

Большие мальчишки уходят в кино. Зовут они и Женьку, но тот, помявшись, отвечает:

— Не... Мне за хлебом надо.

Мальчишки остаются вдвоем и долго дуются и «подкалывают» друг друга, потому что теперь уже оба чувствуют себя виноватыми и не знают, как помириться. Наконец Витя достает из кармана спичечную коробку и высыпают на ладонь крохотные стеклянные колбочки.

— Гляди...

— Дробь? — шепотом спрашивает Женька.

— Ага... Хочешь, возьми, — великодушно предлагает Витька.

Женька вскидывает на него подбровные глаза.

— Зачем мне? Мы же вместе приемник будем делать...

Витька кивает, прячет детали в карман и, не удержавшись, улыбается во весь рот, открывая крупные, неровные еще, только что выросшие зубы.

— Хочешь, будем у тебя приемник делать? — предлагает он.

— Не... Женька снова мрачнеет. — У нас же дед больной, к нам нельзя... Давай в школе? Попросим физика, он разрешит!

— Давай, — подхватывает Витька, — в школе еще лучше! Там паять удобно.

— Витя, домо-ой! — доносится изда-лека.

Ого! Это уже не мать, это отец вернулся с работы.

— Ну пока, — торопливо говорит Витя. — Зовут!

— Пока... Значит, принесешь завтра в школу детали?

— Принесу!

Витька бежит по двору и на бегу придумывает, что он сейчас скажет, если будут спрашивать, с кем гулял.

Придумать нетрудно. Но сегодня Витьке так не хочется хитрить! Он слишком счастлив. Счастлив, что все окончилось хорошо, что они помирились с Женькой и вместе с ним будут делать приемник. И как было бы здорово мастерить его здесь, дома, где все под рукой!

Доброе, светлое, сильное чувство переполняет Витьку, он думает о Таракане с необыкновенной нежностью. Ему кажется, что он мог бы сделать для Женьки все что угодно!

Но все это нужно скрывать, а не то достанется дома... И Витька все медленнее и медленнее идет к дверям своей квартиры.

Рисунок В. Высоцкого.

родами. Теперь ей придется рожать на полу, ибо у нас нет даже кровати.

— Почему же их выбросили из родильного дома? — Они не хотели молиться.

— А где они сейчас?

— Сидят на скамейке в парке Росалес.

— Войдите и подождите минутку. Я только умоюсь и причешусь.

Я попросила дать ему поесть и быстро привела себя в порядок. Вызвав такси, мы отправились в парк. Затем все вместе поехали к родильному дому. Оставив женщин в машине, я вошла в помещение.

Меня встретила монахиня. Я спросила, где заведующий.

— Что вам угодно?

— Я уже сказала вам, что желаю беседовать с заведующим.

По моему тону монахиня поняла, что дальнейшие проволочки бессмысленны.

Она исчезла в коридоре и вскоре вернулась в сопровождении угрюмого толстяка в белом халате, откормленного, как на убой.

— Вы хотели говорить со мной?

— Да, если вы заведуете этим учреждением...

— Да, я заведующий.

— Можете ли мне сказать, почему вы выбросили из родильного дома двух женщин, которые должны вот-вот родить?

— А кто вы такая, чтобы меня об этом спрашивать?

— Долорес Ибаррури, депутат-коммунистка.

— Я здесь заведующий и делаю то, что считаю уместным.

— И вы считаете уместным вышвырнуть на улицу рожениц? И вам не совестно бросить этих женщин на произвол судьбы, без крова над головой, без средств к существованию? Сеньор, я прошу вас принять этих женщин.

— Не собираюсь этого делать.

Я обратилась к монахине:

— Вы тоже не можете ничего сделать, чтобы эти несчастные получили постель и еду и могли спокойно разрешиться от бремени?

— Здесь распоряжается господин заведующий, — ответила она, опустив глаза.

Я не могла более сдерживаться.

— Негодяи! — крикнула я им. — Где же ваше хваленое милосердие, где ваша любовь к ближнему? Две бедные женщины не могут попасть в родильный дом, который содержится на народные средства именно для них, а не для того, чтобы вы жили за их счет! Ну хорошо, сейчас мы увидим, можете вы их принять или нет.

Я вышла, хлопнув дверью. Подойдя к машине, я попросила женщин войти в приемный покой родильного дома.

— Вы оставайтесь с ними, а я скоро вернусь, — сказа-

ла я мужчине и отправилась в комитет социалистической партии, расположенный поблизости.

Привратник сказал мне, что районный уполномоченный ушел обедать, но можно ему позвонить. Мы позвонили, и он ответил, что придет через час. Час — это слишком долго. Я обратилась к молодежи, находившейся в помещении, объяснила им обстоятельства дела и попросила пойти со мной.

Не колеблясь, они согласились. Когда мы пришли в родильный дом, у жены рабочего, обратившегося ко мне за помощью, уже начались родовые схватки, и она вот-вот должна была родить.

Я открыла первую попавшуюся дверь и громко позвала врача. Вышел заведующий.

— Посмотрите на нее, она рождает!

Он подошел к ней, но выразил сомнение в том, что было всем очевидно, и вновь отказался принять женщину.

Не обращая более на него внимания, я сказала мужу роженицы и молодым людям:

— Помогите мне! Внесем ее и положим на кровать.

Мы сплели руки, подняли женщину и внесли ее в родильный дом. Медицинская сестра, которая присутствовала при постыдном фарсе, разыгранном бессердечным

заведующим, поспешила нам на помощь. Она сказала, что входит во Всеобщий союз трудящихся, и провела нас в палату рожениц, где мы и оставили женщину. Осмотрев ее, сестра сообщила, что она скоро родит.

— Вы отвечаете за нее, — сказала я. — Если что-нибудь случится с ней или ее ребенком, вам это обойдется дорого.

— Можете быть спокойны, Пасионария, я о них позабочусь.

— Теперь надо поместить и другую женщину.

Сделать это оказалось проще. Слух о том, что происходит в родильном доме, распространился уже по всей округе, и около здания собралась большая толпа, готовая расправиться с бессердечным заведующим.

Тем временем один из молодых социалистов по моему поручению позвонил товарищу Рекатеро, молодому, но уже известному мадридскому врачу. Вместо него приехал его отец, тоже врач и к тому же, как оказалось, знакомый с заведующим.

Когда доктор Рекатеро появился в родильном доме, меня там уже не было. Доктор спросил у заведующего, что случилось, и тот вне себя от ярости рассказал обо всем, конечно, на свой лад.

— Вы представить себе не можете, какой скандал учинила здесь эта Пасионария. Как будто она не депутат, а какая-нибудь кухарка.

Я от души смеялась, когда Рекатеро-сын рассказывал, как ответил его отец на эти слова.

— О да! Пасионария действительно поработала у вас как кухарка и приготовила такое бискайское блюдо, что пальчики оближешь. Она сумела перевернуть вверх дном всю вашу кухню и извлекла на свет божий немало грязи. Ну, а то, что она осталась верна себе, даже будучи депутатом, во всяком случае, приятно: далеко не всем это удается!

Отповедь Рекатеро-отца уязвила заведующего родильным домом, который не окончательно утратил профессиональную гордость.

Не прошло и часа после моего возвращения домой, как из родильного дома позвонила сестра, сообщая, что женщина родила дочь, отец которой — член НКТ — решил дать ей мое имя; и мать и ребенок чувствуют себя хорошо.

В ШЕСТЬ РАЗ БОЛЬШЕ

Волгоградцы — детям

Познакомиться с ними можно в любом уголке Волгограда. Чуть свернешь с улицы, нырнешь под арку какого-нибудь большого дома — и тут же попадешь в их суверенный город. Трехколесный транспорт. Лихачи-водители, то и дело предупреждающие пешеходов длинной трелью звонка: «Не видишь, что ли? Еду!» Строят в таком городе только из песка и только фараоновские пирамиды, не обращая внимания на то, что уже давным-давно наступил двадцатый век. Зато больше всего на свете здесь обожают космические полеты. Проблемы освоения космоса решают с завидной легкостью. Садись верхом на скамейку и отправляйся куда тебе надо: хочешь — на Луну, надоела Луна — лети на Марс.

Беспечный народ эти маленькие волгоградцы! Они и не подозревают, что приносят взрослым большие заботы, что о них постоянно говорят на важных, серьезных собраниях. Их судьба решается на пленумах обкома и райкомов партии, им посвящаются сессии городского и районных Советов.

О том, сколько внимания уделяет наше государство детям, говорить не приходится: это знают все. Только в Волгограде, например, в 1963 году по государственному плану должны быть построены детские учреждения для 995 ребят.

Строят много, очень много и в других городах. И все-таки...

...Маленький гремучий автобус бежит через строящиеся кварталы к центру города. Сидят в автобусе женщины в брюках из плотной материи, таких же куртках. Едут на работу бетонщицы, строители нового моста через Царицу.

— Ну, что приуныла? — Пожилая женщина на переднем сиденье придвинулась к своей большеглазой притихшей соседке.

Та встрепенулась, затанула потуже концы косынки и промолчала.

— Недавно ты у нас? Зовут-то как?

— Татьяна Рыжкова.

— Дети есть, наверное?

— Сын.

— С кем оставила?

— Отвела к соседке, старушке. А душа не на месте.

— Да... Это, конечно, не выход.

— Не выход? А где выход? — Татьяна Рыжкова вдруг разгорячилась: — Дома сидеть — выход? Три года сидела... Хватит...

— В детсад на очередь записалась?

— Записалась. Вчера комиссия была. Посочувствовали... Но, говорят, не раньше осени.

Да, детских учреждений не хватает. У нас огромный прирост населения. В глазах поднимаются новые города, и на глазах раздвигают свои границы старые. Вот и выросла очередь в ясли, детские сады.

А нельзя ли найти дополнительно средства у себя, в своем собственном городе? Стали волгоградцы думать, подсчитывать. Думали в каждом районе, на каждом предприятии.

И придумали.

Цифра «995» больше не упоминалась. Появилась новая — «5 910». В шесть раз больше! Это и необходимость и дальновидный хозяйский расчет.

Необходимость — сотни матерей, таких, как Татьяна Рыжкова, которые каждый день оставляют ребят без присмотра.

А расчет? Строятся на берегу Волги гиганты современной индустрии. Нужны городу рабочие руки: строители, химики разных профилей. Привозить их из других областей? Нужны квартиры. Через год, смотришь, человек обзавелся семьей, а еще через год родился ребенок. Мест в яслях нет, и жена бросает работу. Сколько в Волгограде молодых женщин, хороших специалистов, вынуждены сидеть дома! А если устроить их детей в сады и ясли, они с радостью пойдут на производство.

Но как удастся за год построить в городе сверх плана здания для детских садов и яслей на пять тысяч мест?

Когда волгоградцы рассказывали о своих внутренних резервах, мне все время казалось, что я попала в дом к доброй, заботливой хозяйке. Будь у нее хоть сколько детей, всех она разместит, всех устроит. Всем будет хорошо и удобно.

Совсем недавно 38-й детский сад занимал лишь половину первого этажа большого дома на Советской улице. В другой половине размещался магазин «Семена и сельхозпродукты». Но стоило пройти отсюда всего лишь пятьсот метров, как снова можно было встретить такую же вывеску.

Подумали и решили: можно обойтись одним магазином.

Ранней весной пришли сюда строители. И через два месяца детсад принял пополнение — 80 ребятшек.

Некоторые детские сады и ясли реконструировались. Открытые веранды были утеплены, приспособлены под спальни и групповые комнаты.

Все административные учреждения, которые занимали удобные особняки, переселились в помещения поскромнее. А в освободившиеся просторные дома волгоградцы привели детей.

Работники горисполкома и районных исполнительных комитетов еще раз строго проверили, разумно ли использованы первые этажи строящихся зданий. Оказалось, что в одном районе ясли более необходимы, чем новая почта, а в другом можно поправить с новым ателье и открыть вместо него детский сад.

В один из кварталов Краснооктябрьского района встроился целый детский

— Домой так домой. Завтра опять придем...

Фото А. Манлещова (ТАСС).

городок — четыре комбината и общий пищеблок с просторными цехами, холодильными камерами, белоснежной кухней, оборудованной современными машинами.

Детский городок строится заводом бурового оборудования. Главный инженер ОКСа Геннадий Рябоконь в последний раз осматривает веранды с вымытыми до блеска стеклами и с чувством человека, который выполнил большое дело, закрывает на ключ парадную дверь. Один комбинат готов. Строители сдают его раньше срока. Пока комбинат будут оборудовать, они закончат пищеблок. Ребята смогут прийти в свой дом раньше, чем предполагалось.

В четырех новых комбинатах можно будет сразу разместить шестьсот ребятшек.

Сейчас все крупные заводы Волгограда строят детские сады и ясли за счет фонда предприятия.

В 1962 году в Красноармейском районе города открыли детские учреждения для двух тысяч ребят. Значительная часть яслей и детских садов построена судоремонтным заводом и заводом «Судоверфь».

На Волгоградском тракторном за два года построят детских садов больше, чем за все послевоенное время.

А если предприятие маленькое, если средств у него недостаточно, то оно объединяется с другим, и вместе они закладывают один детский комбинат. В этом году так поступили заводы «Стройдеталь» и гидролизный.

...Участок нового детского комбината

та пока пуст. Весь в палящем полуденном солнце. И как только держатся в таком пекле тонкие молоденькие деревца?! Подходим ближе и видим, что кто-то заботливый утром напоил их прохладной водой. А кто-то убрал около дома строительный мусор, посадил цветы. Только через несколько дней комбинат будет принимать комиссия, а под навесом для игр уже стоят детские столики, стулья, диванчики.

Мастер Шура Гордеева, смуглая черноглазая девушка, ведет нас на второй этаж. В огромные окна смотрится Волга. Целая анфилада солнечных комнат — розовых, голубых, желтых.

— Молодцы отделочники!

— Не только они, — замечает Шура. — Клавдия Петровна собрала здесь целый художественный совет.

— А кто такая...

— Клавдия Петровна? Ясько. Заведующая этим комбинатом.

Закладывается первый кирпич детского сада, и уже назначается заведующая. Свою работу она начинает с создания женского отряда. Члены такого отряда — будущие воспитатели детского сада, родители. Так вот откуда и деревья на участке, и цветы, и приготовленная заранее мебель!

И в том, что сдаются почти все строящиеся для ребят дома в срок, тоже немалая заслуга женских отрядов. Они дотошные контролеры. Чуть на стройке простой — не привезли вовремя материалы — тут же сигнал в райисполком.

Шура показывает нам удобные раздевалки с маленькими встроеными шкафчиками и ведет вниз.

— Я, наверное, так и останусь «детским» строителем, — говорит она. — Мне нравится. Строишь и видишь, как ждут этот дом люди. Волнуются, бегают, спрашивают: «Скоро ли?» Стараешься скорее.

Между прочим, хорошо придумали в городе — давать несколько мест в детском саду детям тех, кто его строил.

На другом объекте другой «детский» строитель, прораб Юрий Столыпин, рассказывал о своей неудаче. Горчался, горячился, ругался.

Недодумка в проекте. Пропадает подвал. А детскому комбинату так пригодились бы и подсобные помещения и холодильные камеры! Человек не спит ночи, прикидывает, сколько будет стоить переоборудование, какие нужны материалы. Бежит в горпроект, к главному инженеру УКСа, доказывает, убеждает.

Ну зачем, спрашивается, прорабу этот подвал? Лишняя морока. А человек не может успокоиться:

— Должны же они понять, что ребяташкам и овощи нужны и фрукты! А где хранить?..

Скоро в городе появится около пятидесяти новых синеньких табличек: «Детский сад», «Ясли», «Детский комбинат». Очередь нуждающихся в детских учреждениях намного сократится. Но, к сожалению, еще будет. И волгоградцы продолжают подсчитывать, сколько детских садов и яслей нужно построить сверх плана в 1964 году и в 1965-м, чтобы удалить эту нужду из своего города.

Т. АЛЕКСАНДРОВА

Когда шел суд над Никосом Белоянисом, Элли Иоанниду была с ним рядом... Фото из французского журнала «Эр клэр».

ПОДРУГА ГЕРОЯ

Элли было двадцать семь лет, когда ее арестовали, судили и дважды приговаривали к смерти. Приговаривали, но не решились убить женщину, которая готовилась стать матерью. Расстреляли ее мужа, а вскоре в тюрьме она родила сына и назвала его в честь отца Никосом.

Элли Иоанниду — жена греческого патриота Никоса Белояниса, казненного одиннадцать лет назад в Афинах. Монархофашисты жестоко расправились с коммунистами — участниками Сопротивления — за то, что они боролись за демократический строй в своей стране.

«Вспоминаю о необыкновенном самообладании и спокойствии Элли Иоанниду. Восхищаюсь величием ее души. Во время процесса она держалась не как обвиняемая, а как обвинитель своих судей», — рассказывал о ее поведении на суде адвокат Клод Деннери.

Элли Иоанниду смерть заменили пожизненным заключением. И вот уже много лет как она не видит ничего, кроме зарешеченного окна камеры да высоких стен в тюремном дворе.

С детства Элли любила читать и в книгах старалась найти ответ на волнующий ее вопрос: как избавить народ от страданий, уничтожить социальную несправедливость? Ответ она нашла в великой книге жизни. В годы фашистской оккупации Элли писала листовки, призывающие к борьбе против захватчиков, статьи для нелегальных изданий и бесстрашно распространяла их.

И после войны Элли не сложила оружия. Она выступала в нелегальных газетах и вела большую работу в отделе пропаганды коммунистической организации города Афин. За это ее и заточили в тюрьму.

Ее сыну Никосу сейчас одиннадцать лет. Первые три года своей жизни он провел в тюрьме Авероф. Потом, когда его взяли к себе родственники, он первое время боялся всего: длинных шумных городских улиц, неба, солнца и луны, которых никогда прежде не видел.

Вместе со своей тетей маленький Никос ходит в тюрьму на свидания с мамой. «Тетя, оставь меня сегодня с мамой одного, — просят он, — сегодня мой

день». А мать уже давно готовится к встрече. В камере она пишет для сына стихи, рассказы, сказки, пересказывает классические греческие произведения. Сама делает к ним рисунки и дарит их Никосу.

Вместе с Элли Иоанниду в тюрьме многие годы томится десятки женщин. От них требуют отречения от своих убеждений, но получить свободу такой ценой они не хотят.

«...Матери всего мира! — пишут женщины, заключенные в греческих тюрьмах. — Вы можете обнять вашего ребенка, прижать его к сердцу, вы можете следить за его воспитанием, радоваться его успехам! Подумайте о тех матерях, которые бесконечно долгие годы, дни и ночи проводят в ужасной тревоге за судьбу своих детей!»

Ты говорил «нет». Тебе показали закаты, которых ты целую вечность не видел в своем подземелье, и золотые полдни, что в ладонях баюкали мир, и деревья, деревья, деревья... Ты забыл, как они шумят... И цветы. Ты забыл уже, как они выглядят. И зеленое море. Ты забыл уже, как оно пахнет. Ты забыл, ты забыл, ты забыл... Они обещали все это отдать тебе во владение за одно только слово, за одно только «да». Ты говорил «нет».

Эти стихи написал о «Человеке, не подписавшем дилоси» (документ об отречении от своих политических убеждений), кипрский поэт Феодосис Пьеридис. Он писал о таких, как Элли...

Элли Иоанниду и ее подруги сильны своей солидарностью с женщинами всего мира.

«Дорогие сестры! Из тюрьмы мы следим за вашей борьбой. Сердечно вас приветствуем и жмем руки», — обращаются заключенные гречанки к своим португальским сестрам.

«Желаем успеха в вашей великой борьбе. Ваша борьба — это и наша борьба, борьба всех народов...» — пишут они испанкам.

Честные люди земли все решительнее поднимают свой голос в защиту греческих патриотов, требуют освободить их из тюрем. Это требование горячо поддерживают все советские люди.

Г. НЕПРЯХИНА

За это спасибо

Хочу поблагодарить работников Московского завода слуховых аппаратов за их чуткое и отзывчивое отношение ко мне, больному человеку.

У меня очень плохой слух, и я несколько раз обращалась в разные организации, чтобы помогли приобрести части для слухового аппарата. Мне откладывали, говорили, что их нигде нет.

Тогда я решила обратиться прямо на завод. Мне в короткий срок прислали нужные детали к аппарату. Сейчас слуховой аппарат работает, и я будто снова ожила. Спасибо вам, родные!

Н. БРОВКО

г. Кадиевка,
Луганской области.

Невкусно

В апрельском номере журнала я прочитала заметку «Приятного аппетита». Завидую работникам совхоза, что у них такая хорошая столовая. Вот если бы у нас, в техническом училище № 1, так было!

В нашу столовую как войдешь, так аппетит сразу пропадает: в каше попадает заварка от чая, да и каша не поймешь — то ли на молоке, то ли на воде. Особенно плохо кормят утром и вечером. Никакого разнообразия блюд, и все невкусно.

Г. ДУМИНА

г. Алма-Ата.

Наши огорчения

Мы живем в городе Камышине, где строится огромный текстильный комбинат. Наш текстильный городок очень молод. Молоды и дома, и деревья, и парк. Конечно, и жители в основном молодые. Многие работают и учатся: кто в вечерней школе, кто в вечернем текстильном техникуме. Учатся не только мужчины, но и женщины. А известно, что у женщин немало домашних забот. Больше всего хлопот со стиркой. Конечно, можно взять стиральную машину в прокатном пункте, но ее нужно принести и унести, а она довольно-таки тяжелая. Хорошо бы пойти постирать белье в домовую прачечную, но у нас таких прачечных нет. Вот и приходится субботние вечера простаивать у корыта, а по воскресеньям украшать дворы и балконы сохнущим бельем.

Нет у нас настоящей детской кухни. Есть пункт, где выдают свежее молоко. Если же ребенок заболел и нужен кефир или простокваша, то ни того, ни другого на кухне не получишь. А очень нам хочется, чтобы была детская кухня, где можно было бы купить кашу, кефир и соки, чтобы была прачечная, а уж Бюро добрых услуг — это просто мечта.

От имени работниц отделочной фабрики хлопчатобумажного комбината контролеры ОТК

БЕЛИКОВА, ЯРИШ,
АРТЕМЬЕВА

г. Камышин,
Волгоградской области.

Как вас обслуживают?

Ситец не в почете

Последние годы наша молодежь, да и мы, женщины среднего возраста, стали шить платья из более дешевого материала (штапеля и ситца). Мы теперь имеем возможность к каждому летнему сезону обновлять свой гардероб. Но вот на пути встало одно немаловажное затруднение: ткани-то дешевые, а шить из них в мастерской все так же дорого. Если за материал для летнего платья заплатишь примерно 5 рублей, то шить его стоит 7 рублей и больше.

Фасоны платьев стали значительно проще, стало быть, и шить их легче. А ателье все равно берут цену, как за сложный фасон. Разве это правильно? В некоторых мастерских вообще шьют лишь из материалов, имеющихся у них на складе. Но там только шерсть и шелк, а ситца и других дешевых тканей никогда не бывает.

Хочется задать вопрос: когда же наши мастерские снизят стоимость за шитье платьев из дешевой материи?

К. КОЗЛОВА

г. Мары,
Туркменская ССР.

Медвежья услуга

Купили мы с мужем мотоцикл. Я пенсионерка, а он еще работает. Хотелось по-стариковски отдохнуть за городом, на свежем воздухе.

Потребовал наш мотоцикл замены кое-каких деталей. В магазинах их не оказалось. Люди посоветовали запросить посылторг. Нам прислали преysкурant запасных частей и соответствующий бланк. В преysкурante оказалось почти все, что нам нужно. Обрадовались мы, заполнили бланк, отослали его и ждем. Через порядочное время приходит извещение на ценную бандероль. Муж говорит, это — недоразумение: бандеролью вряд ли можно послать запасные

части весом примерно в полпуда. Но пошел, получил, и оказалось, действительно запасные части, но... не те, что мы просили, а совсем другие. Но нам-то они не нужны!

Вот и купили мотоцикл и покатались... Что же остается нам делать: отдать его внучатам на игрушки? А ведь когда задумали покупать мотоцикл, мы собирали копейки, как муку на колобок.

О. КОБЛОВА

г. Саратов.

Если бы все так...

Мой муж был командирован в Москву, на ВДНХ. Я попросила его купить мне демисезонное пальто из дешевой ткани, но модное.

В магазине «Мосодежды» № 55 на Ленинском проспекте ему посоветовали купить пальто цвета маренго из материала с начесом. Пальто действительно хорошее и красивое. Но... оказалось мне маловато.

Было очень обидно. Продавать его жалко, а носить нельзя. Решили мы написать в магазин. И что бы вы думали? Скоро получаем оттуда любезный ответ. Директор магазина тов. Дубова написала, чтобы мы вернули пальто и указали точный мой размер. Так мы и сделали. А сегодня я получила пальто, еще лучше прежнего. Все это очень приятно, и хочется от души поблагодарить работников магазина «Мосодежды» № 55.

О. СИКАЛОВА

г. Красный Сулин.

КОНТРОЛЬ НА ВЫСОТЕ.

Рисунок Г. и В. Караваевых.

НИ В СРОК, НИ ВПРОК.

— Не сомневайтесь, — До чего же быстро сделаем в срок! — летит время!..
Рисунок Д. Белова.

В необычайно многогранном творческом наследии Ильи Ефимовича Репина видное место занимает галерея произведений, посвященных революционному движению 70—80-х годов. Это и «Арест пропагандиста», и «Сходка революционеров», и «Под жандармским конвоем», и «Отказ от исповеди перед казнью», и, наконец, «Не ждали».

В начале 1881 года Репин решил переехать из Москвы в Петербург. На передвижных выставках, устраивавшихся ежегодно, он незадолго до этого показал ряд своих новых произведений, в том числе монументальную картину, которой дал пространное название «Правительница царевна Софья Алексеевна через год

был срок наказания, то ли бежала из ссылки или тюрьмы. Но совершенно очевидно одно: она вернулась в родной дом, где близкие не поддерживали ее передовых устремлений, где ее революционная деятельность подвергалась резкому осуждению. Мы убеждены в том, что, задумав картину, Репин прежде всего решил показать несгибаемую волю девушки-революционерки, которую не сломили ни царский суд, ни тюремщики, ни годы каторги. Внимательно вглядываясь в этот обаятельный образ, начинаешь понимать, что такие, как эта девушка, продолжали бороться за счастье народа, невзирая ни на какие трудности, шли даже на смерть. Репин не был революционером, но по своим воззрениям он принадлежал к передовым людям своего времени, — недаром тогдашнюю действительность он называл «преступной, бесправной, угнетающей».

В рассматриваемой нами работе Репина все подкупает простотой, жизненной правдой, мастерством характеристики и

ность. Огромное впечатление произвела картина Ярошенко «Курсистка», появившаяся в марте 1883 года на XI Передвижной выставке в Петербурге. Всего за несколько лет до этого, в результате многолетней борьбы передовых кругов за женское равноправие, в столице были впервые открыты Женские врачебные курсы и Высшие женские курсы (так называемые Бестужевские). И тогда же слово «курсистка» сделалось синонимом не только рвущейся к знаниям женщины, для которой в России вплоть до семидесятых годов были закрыты все пути и высшему образованию, но и синонимом передовой общественницы, застрашенной революционерки. Не было ни одного отзыва о выставке, в котором не отмечалась бы картина Ярошенко. Не приходится говорить о том, что реакционная печать приняла картину в штыки, обвинив ее в «невероятной тенденциозности». А выдающийся писатель Глеб Успенский, осмотрев «Курсистку» еще в мастерской художника, посвятил ей страстно написанную статью в февральской книжке журнала «Отечественные записки» за 1883 год. Этот новый тип русской женщины писатель называет «небывалым и светлым».

Героиней первого репинского замысла «Не ждали», над которым он работал к моменту открытия XI Передвижной выставки, явилась, по существу говоря, та же курсистка, что у Ярошенко. Даже костюм репинской «возвращающейся революционерки» полностью совпадал с костюмом Ярошевской курсистки. И это совпадение вполне естественно, так как оба художника сделали своей героиней женщину — носительницу передовой культуры, молодую слушательницу Выс-

после заключения ее в Новодевичьем монастыре, во время казни стрельцов и пытки всей ее прислуги, 1698». Делясь планами о переезде со своим другом, критиком В. В. Стасовым, Репин писал ему: «Ах, жизнь, жизнь! Что это художники так ее обходят?! Черт возьми, брошу я все эти исторические воскресения мертвых, все эти сцены народно-этнографические; переселюсь в Петербург и начну давно задуманные мною картины из самой животрепещущей действительности, окружающей нас, понятной нам и волнующей нас более всех прошлых событий».

С осени следующего года, уже живя в столице, Репин начал работать над картиной, посвященной возвращению революционерки из ссылки или тюрьмы в семью.

Репин, несомненно, избрал данный сюжет потому, что именно в эти годы женщина начала играть заметную роль в революционном движении и впервые стала героиней политических процессов. В частности, на известном «процессе 193-х», происходившем в Петербурге в конце 1877 года, среди подсудимых оказалось около сорока женщин. То были революционные народники, неустрашимость и героизм которых так высоко оценивал В. И. Ленин, когда говорил о «блестящей плеяде революционеров 70-х годов».

Можно не сомневаться, что сюжет картины, которую Репин назвал «Не ждали» и в которой решил увековечить образ молодой революционерки, возвращающейся к родным после долгих и тяжелых лет отсутствия, был им почерпнут из самой животрепещущей действительности».

К сожалению, мы не располагаем данными о том, как зародился замысел этой картины. Но вполне ясно, что какое-то реальное событие произвело на Репина неизгладимое впечатление, и он решил положить его в основу сюжета картины. Глядя на картину Репина, трудно сказать, что произошло с молодой революционеркой, — то ли она пришла домой, от-

ОБРАЗ РЕВОЛЮЦИОНЕРКИ

первоклассными живописными достоинствами. Кроме героини, в картине три действующих лица — мать и две сестры. С какой предельной остротой и вместе с тем без всякой нарочитости художник охарактеризовал переживания каждой из них, по-разному реагирующих на это неожиданное событие в жизни семьи! И в то же время все трое остаются как бы в тени, как бы на втором плане, потому что центр картины, ее душу составляет овеянная воздухом и освещенная солнцем фигура революционерки. Весь ее облик излучает какую-то покоряющую теплоту. И вместе с тем сколько душевной тревоги в ее глазах! Вся фигура девушки как бы в ожидании: поймут ли родные, что иначе, как уйти еще со студенческой скамьи в революцию, она не могла поступить? Молодая девушка понимает, что она принесла семье большое горе, но своих убеждений все же она не изменит никогда.

В какой же связи находится это произведение Репина с широко известной большой его картиной на ту же тему, героиней которой является революционер, вернувшийся после тяжких лет отсутствия в родную семью?

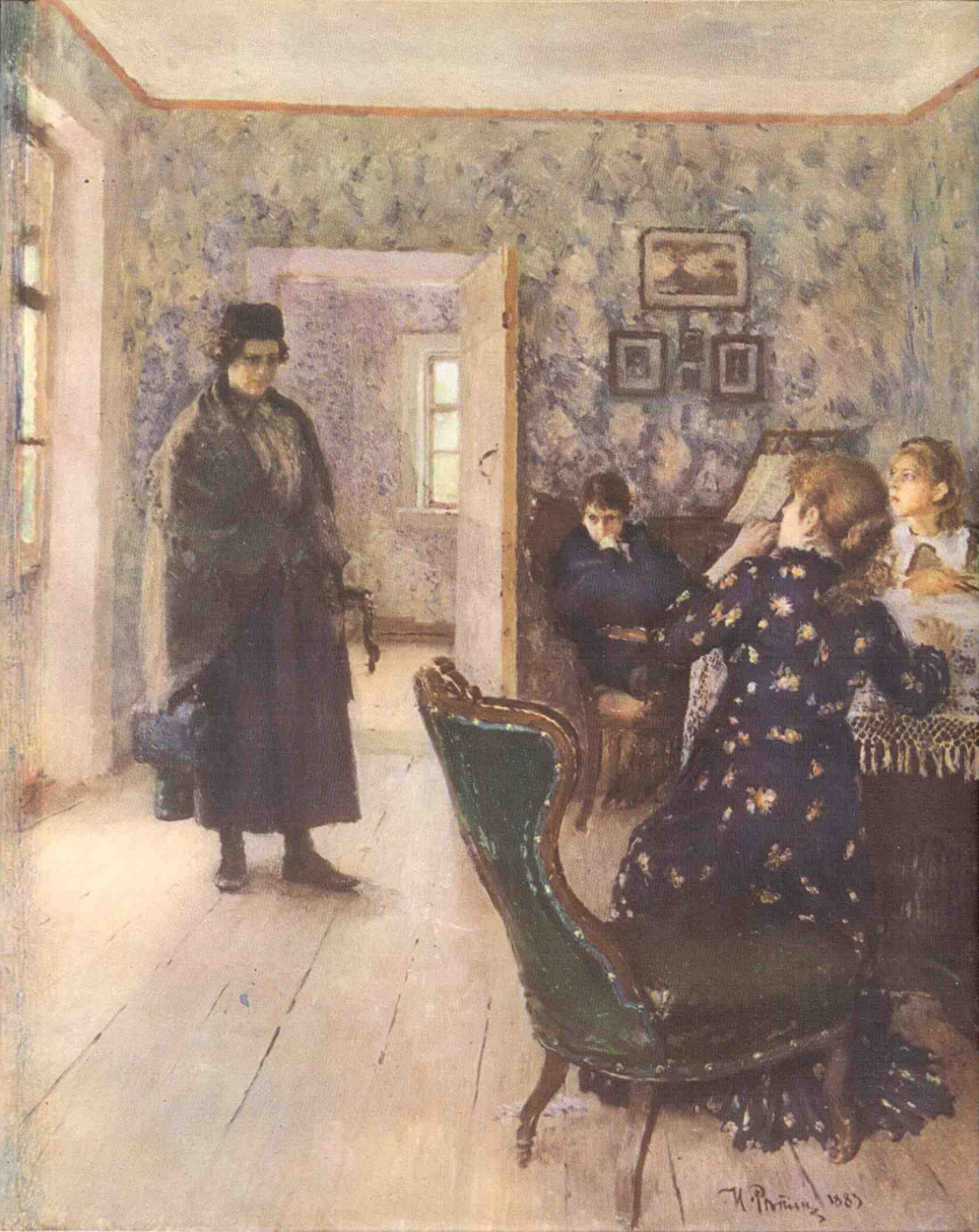
Создав «Не ждали» с женской фигурой в центре, художник считал свою работу лишь эскизом будущего большого полотна. И хотя, как пишет И. Э. Грабарь, в этом эскизе, который он называет чудесной маленькой картиной, «так все выразительно и красноречиво сказано, что всякий другой автор, написавший подобную картину, счел бы свою задачу решенной и данным решением вполне бы удовлетворился», Репин принялся за монументальную картину на эту тему: вместо фигуры возвратившейся из тюрьмы или ссылки революционерки он ввел фигуру революционера. В чем же причина этой замены, что заставило мастера принять такое решение? Один из биографов Репина прямо признается, что на вопрос, «почему эволюционировал сюжет» картины, «пока нельзя дать никакого основанного на документах ответа».

Мы же считаем, что на данный вопрос можно дать вполне убедительный ответ. С конца семидесятых годов внимание публики и критики начали привлекать появившиеся на Передвижных выставках произведения Н. А. Ярошенко, пользовавшиеся большой популярностью, потому что художник с горящей симпатией, глубоко и остро откликнулся на современ-

ших женских курсов. Костюм курсистки того времени был очень характерным, сильно отличавшимся от обычного женского костюма. Именно в плед и в маленькую шапочку одеты обе модели — и у Репина и у Ярошенко. Недаром, когда одному рецензенту захотелось подчеркнуть демократичность публики, восторгался ее скромностью произведениями на современные темы, он написал, что публика эта «какая-то особенная, пледоносная, стриженная».

Репин, конечно, не раз бывал на XI Передвижной выставке (укажем, кстати, что, кроме «Крестного хода» и других произведений, Репин показал здесь картину «Вернулся», которую, как значилось в каталоге выставки, он пожертвовал в пользу «слушательниц Женских врачебных и Бестужевских курсов»). Когда Репин увидел картину Ярошенко, когда он прочитал отзывы о ней критиков, он, естественно, должен был прийти к решению заменить фигуру курсистки-революционерки в задуманном им монументальном полотне другой фигурой. Правда, большую картину художник и композиционно решил в некоторой степени иначе, чем маленькую, введя в нее новых действующих лиц. Но можно не сомневаться в том, что если бы на выставке 1883 года не оказалось «Курсистки» Ярошенко, то в появившемся на выставке 1884 года большом варианте «Не ждали» центральной фигурой осталась бы фигура женщины.

...Сейчас оба произведения на тему «Не ждали» украшают Государственную Третьяковскую галерею. Большой вариант занимает центральное место на одной из стен, рядом с ним — малый вариант. Конечно, капитальное полотно доминирует на этой стене. Но когда, дорогой читатель, вы будете в репинских залах Третьяковской галереи, посмотрите висящую слева от него маленькую картину «Не ждали». Ее репродукция, которая приводится в этом номере, несмотря даже на то, что она цветная, не может, конечно, передать всей прелести оригинала. Мы не сомневаемся, что, внимательно рассмотрев это пленительное творение Репина, вы согласитесь, что «чудесная маленькая картина» продолжает жить своей большой жизнью даже рядом с тем капитальным вариантом «Не ждали», который по праву считается классическим произведением русской живописи XIX века.

И. РЕПИН. НЕ ЖДАЛИ (эскиз-вариант).

Государственная Третьяковская галерея.

Ясное солнце светит над африканской землей. Земля здесь темно-багряного цвета, будто кровь многих поколений африканцев, боровшихся за свободу, против иноземных поработителей — колонизаторов и империалистов, оставила на ней свой несмываемый след.

Почти три месяца прожил я в молодой африканской республике Мали, лишь недавно сбросившей цепи колониализма.

Я вспоминаю вытопанную сапогами французских солдат землю бывшего военного лагеря колонизаторов в городке Кати. Я видел, как праздновали здесь первую годовщину освобождения страны от иноземных оккупантов, почти сто лет назад вторгшихся в саванны и джунгли Мали. По бывшему военному плацу проходили праздничные колонны. Шли ветераны освобождения республики — африканцы, первыми вступившие в борьбу с колонизаторами. Шли пионеры — черные ребяташки в

← Женщины города Кати собрались на площади, чтобы отпраздновать годовщину изгнания последнего французского солдата с территории страны. Они строят новую жизнь под этим развевающимся флагом республики!

← Шумен и цветист базар на набережной города Дире.

СЕГОДНЯ

Василий ЗАХАРЧЕНКО

Фото автора.

На берегу многоводного Нигера. Здесь своя жизнь. Трудовая...

ярко-красных галстуках и ослепительно белых рубашках. Шли воины армии Малийской республики — прекрасно вооруженные солдаты. Шли вдовы погибших партизан. Шли женщины с винтовками на плечах — боевые отряды, принимавшие участие в борьбе за свободу. Я глядел на этот нескончаемый, торжественный и радостный поток людей, протекавший возле трибуны, на которой, окруженный соратниками, стоял президент республики Модибо Кейта, и думал о героическом пути этих людей, празднующих сегодня первую годовщину изгнания последнего французского солдата со своей земли.

Рядом с мужчинами, борцами и партизанами республики, сражались женщины Африки.

Путь к свободе африканского народа — нелегкий путь. Изгнание колонизаторов, прочно осевших на земле Африки, не могло бы произойти, если бы не победа революции в России, если бы не разгром гитлеровских войск в годы второй мировой войны, если бы не активная поддержка странами социализма молодых государств африканского континента.

Красивая африканка мадам Нэгр рассказывает нам о неотложных задачах, встающих перед молодой республикой.

могли посещать школу. Ни одного высшего учебного заведения. Нет врачей-африканцев, инженеров-африканцев...

Мы ведем разговор возле Дома народной книги — «Либрери популер». Мадам Нэгр — заместитель директора этого замечательного учреждения, открытого правительством молодой республики. Создание подобных домов во многих городах Мали — первые шаги приобщения к культуре широких народных масс. Возле светлого здания стоит фотовитрина, рассказывающая о жизни социалистических стран. Фотографии новостроек Сибири. Университет в Праге. Жилищное строительство в Варшаве. Жизнь Германской Демократической Республики.

В Дом народной книги входят юноши, девушки, пожилые африканцы. Они идут за книгами, за знанием.

Не таким ли началом нового являются и народные аптеки — «Формаси популер», тоже организованные во многих городах страны!

В маленьком городке Дире, на берегу многоводного Нигера, вместе с молодыми малийскими журналистами я беседовал с городской молодежью.

Мерием Бела, одна из молодежных руководящих Дире, взволнованно

ся рукоделию, домоводству, уходу за детьми.

— Мы знаем, как много еще надо сделать, — говорит подруга Мерием, Фатима Майга, — чтобы подлинная культура вошла в каждый африканский дом. Но мы обязательно добьемся этого.

С радостью пришла учиться на курсы журналистов первая женщина-журналистка в Мали Андриена Траоре. С каким старанием осваивала она свою будущую профессию!

Ведь женщины Мали были угнетены вдвойне: их угнетал колониальный режим, а также традиции прошлого. В Мали мусульманская религия допускала многоженство. Еще и сегодня можно встретить в старой малийской семье четырех жен под одной крышей.

Новое законодательство республики во всем идет навстречу женщине, подыму ее культуры, образования, упрочению ее места в семье и в государстве.

— Моя мать и мечтать не могла о тех путях, которые открылись сегодня перед нами, женщинами Мали, — рассказывает Андриена. — Мы учимся, чтобы стать школьными учителями, санитарками, журналистами.

Она много читает, изучает историю своего народа, проблемы экономики и политической жизни.

Обретая свободу, народ Мали преобразует экономику своего молодого государства. С воодушевлением трудятся сегодня малийцы на хлопковых полях «Офис дю Нижер» — плантациях, принадлежавших когда-то французским фирмам и компаниям, а теперь национальному государству, в цехах первого в респуб-

На уроке.

Фото В. Хухлаева.

лике металлического завода в Маркала. На каждом шагу видишь плоды свободного труда народа Мали.

И не зря президент молодой республики, бывший народный учитель из небольшого городка Кабара, что раскинулся на границе саванн и Сахары, так уверенно говорит о светлом будущем республики. Модибо Кейта — один из самых выдающихся деятелей Африки. За свои труды и борьбу за мир и свободу он награжден в этом году международной Ленинской премией мира.

— Мы многое делаем и еще очень много должны сделать, чтобы женщины Мали вышли на светлую дорожку культуры и прогресса, — говорит он. — Мы не пожалеем сил для преобразования нашей республики. Страны социалистического лагеря оказывают нам большую помощь...

В МАЛИ

— Колониализм оставил нам чудовищное наследие, — говорит она. — Лишь десять процентов детей

рассказывала о первых женских курсах в городе. Здесь не только обучаются грамоте, здесь также учат-

Семьдесят пять судеб

Книжная полка

Весною 1919 года в Екатеринбурге колчаковский суд вынес смертный приговор коммунистке-подпольщице Марии Авейде. Эта скромная женщина тайла в себе огромную нравственную силу, поражающую даже врагов.

В тюрьме Мария стойчески перенесла зверские пытки. Накануне неизбежной смерти она убежденно сказала:

— Нет, нашего дела не убить!

Очерк о героической жизни этой замечательной женщины мы с волнением прочитали в книге «Женщины Урала в революции и труде». Это сборник воспоминаний, статей и очерков о деятельности женщин Урала.

Авторы сборника — А.

Бычкова, С. Дерябина, А. Маркова, Л. Дружинина, С. Семенова и другие (все-го семьдесят пять имен) — старейшие коммунисты, участники трех революций и социалистического строительства.

В очерках и коротких зарисовках они рассказывают о жизни своих подруг — женщин Урала. И есть в этих рассказах то общее, что роднит их героев с погибшей Марией Авейде: та же целеустремленность, бесстрашие и глубокая вера в победу. По-разному сложилась жизнь бывших соратников Марии. Так, например, Юлия Попова, сражавшаяся добровольцем на фронтах гражданской войны, затем посвятила себя педагогической работе. Стала пар-

тийным работником А. А. Чернова-Садина, а работница А. В. Лошагина — директором комбината.

Анна Петровна Алимова родилась тогда, когда погибла Авейде, и как бы продолжила жизнь Марии. Деревенская девушка, уборщица, получила среднее и высшее образование, стала партийным, а затем государственным деятелем. С 1961 года Алимова — заместитель председателя Свердловского горсовета.

В сборнике семьдесят пять очерков — семьдесят пять судеб. Разные имена, разные люди, разные жизни... И вместе с тем это книга о единой судьбе, счастливой и трудной, — судьбе советской женщины.

М. НАЗАРОВА

НА ВЫДУМКИ

Когда в конце прошлого века в Париже открылась Всемирная выставка, известный в те времена поэт Максимилиан Волошин, большой любитель всяких шуток и «розыгрышей», распустил слух, будто в Эйфелевой башне, поразившей тогда весь мир своей высотой и изяществом конструкции, нет ничего нового. Она якобы построена по чертежам одного древнего арабского ученого.

Это была, конечно, выдумка. Но, внимательно изучив устройство знаменитой башни, которая давно уже стала такой же своеобразной эмблемой Парижа, как у нас в Москве Кремль, архитекторы сделали неожиданное открытие: оказывается, ажурная конструкция Эйфелевой башни в точности повторяет строение... большой берцовой кости, легко выдерживающей тяжесть человеческого тела! Именно поэтому башня и отличается такой прочностью и долговечностью при кажущейся на первый взгляд хрупкости.

За миллионы лет медленной эволюции на земле живая природа накопила множество необычайно ценных «изобретений». В процессе естественного отбора среди растений и животных выкивали самые сильные, лучше всего приспособленные к определенным природным условиям. И теперь с помощью особой науки — бионики ученые и инженеры открывают в природе немало поучительного для себя.

Бионика... Что это такое?

Не знать этого вполне простительно, потому что даже специалистам бывает порой нелегко уследить за теми поразительными событиями и переменами, которые совершаются сейчас в науке. На наших глазах вступают в дружественный союз, казалось бы, весьма далекие друг от друга науки, рождаются совершенно новые, небывалые раньше отрасли знания.

Бионика — одна из таких совсем юных наук. Возникла она буквально за последние два-три года. У колыбели ее стоят биология и электроника, отсюда и ее название. Она, в сущности, делает еще только первые шаги, но шаги вовсе не робкие, а поистине семимильные.

Чем занимается эта молодая наука? Она изучает замечательные «изобретения» живой природы и настойчиво ищет пути их применения в различных отраслях техники.

В свое время человек позавидовал птицам и научился летать. Теперь стремительные воздушные лайнеры «ИЛ-18» и «ТУ-114» переносят сотни пассажиров через материки и океаны. Но кое в чем наши самолеты все еще уступают птицам.

Обычный серенький воробей, порхая под вашим окном, свободно и легко взлетает с любой ветки без разбега. Никакой «аэродром» для посадки ему тоже не нужен. И, наблюдая за воробьем, инженеры ломают голову: как бы нам этого же добиться?

Огромна мощность реактивных двигателей воздушных кораблей. Но если прикинуть, какая часть веса воздушного гиганта приходится, скажем, на одну лошадиную силу двигателя, то выясняются очень интересные вещи. У самых совершенных наших самолетов

это соотношение составляет сорок пять килограммов, а у орла — в пересчете на мощность его живого «двигателя» — семьдесят килограммов, у обыкновенного аиста — даже сто тридцать пять килограммов. Выходит, что полетный механизм аиста почти в десять раз экономичнее, чем у самолетов!

Давно привлекает внимание ученых удивительная тайна птичьего «компас». Это чудо наблюдал каждый из нас: осенью птицы улетают в далекие края, а весной возвращаются на свои старые гнезда.

Помечая птиц кольцами на лапках, ученые узнали, какими сложными и порой запутанными путями странствуют в небе пернатые путешественники. Полярные крачки, которых называют еще морскими ласточками, летают зимовать от полюса к полюсу — из Арктики в Антарктиду. Это почти шестьдесят тысяч километров, три месяца туда да три обратно — половину своей жизни проводят морские ласточки в пути. И не сбиваются.

У нас на Камчатке вьют свои гнезда золотистые ржанки, а зимовать улетают на Гавайские острова. Три тысячи километров по прямой над океаном, тридцать пять — сорок часов непрерывного полета! Одышать они не могут — внизу бушуют волны. И никаких ориентиров, чтобы найти затерянную в океане цепочку островов. У людей есть компасы, географические карты, радиомаяки, и то корабли и самолеты, случается, сбиваются с курса, особенно в магнитные бури. А птицы точно выдерживают курс, даже совсем молодые, летящие в первый раз.

Как устроен загадочный птичий «компас»? Где они его прячут? Этим интересуются и биологи, и физики, и инженеры. Сначала думали, будто птицы каким-то образом ощущают земное магнитное поле. Теперь большинство ученых склоняется к тому, что крылатые путники находят себе дорогу по солнцу и звездам. Но все равно их замечательная способность не становится от этого менее заманчивой и поразительной.

По солнцу ориентируются и пчелы, с деловитым жужжанием вылетающие из улья. Притом их глаза устроены так, что могут определить, где находится светило, даже закрытое плотными облаками, — по так называемой поляризации света. А мы этого пока не умеем.

Инженеры и ученые в разных странах проводят сотни опытов, чтобы вывести у птиц и пчел секреты их ориентации в пространстве. Ими движет не просто научная любознательность — они надеются, учась у природы, создать совершенно новые системы ориентации и автоматического управления. Летчикам и штурманам кораблей такие приборы весьмагодились бы.

А разве не удивительно, что лососевые рыбы на Дальнем Востоке возвра-

щаются метать икру именно в те реки, где они когда-то родились? Как они отличают устье родной речушки от сотен других?

Ученые еще не знают этого точно, но кое-какие догадки у них уже есть. Кижучи, например, как предполагают, находят свои родные реки по... запаху воды.

Это кажется невероятным. Но, как теперь выяснилось, самая обыкновенная дворняжка различает до полумиллиона всяких запахов, совершенно недоступных человеку. А у нас до сих пор нет приборов, способных заменить органы обоняния человека, не говоря уж о собачьем чутье...

Стоит только повнимательнее оглянуться вокруг, и сразу возникает великое множество поразительных примеров, достойных хорошей творческой зависти и подражания.

Гремучая змея ощущает ничтожные колебания температуры — в одну тысячную градуса. Такой точнейший «термометр» очень был бы нужен и медикам, изучающим тайны живой клетки, и химикам, создающим новые синтетические материалы, и многим другим.

Долго было полной загадкой, как находят себе дорогу и добычу в темноте летучие мыши. Оказалось, что они испускают на лету не слышимые нами ультразвуковые колебания. Отражаясь от препятствия, эти импульсы возвращаются обратно, сообщая летучей мыши о точном расстоянии до него. На таком же принципе работают теперь наши радиолокаторы и эхолоты на кораблях.

Но вот что заставляет ученых все глубже изучать жизнь и физиологию летучих мышей. В некоторых пещерах обитают миллионы летучих мышей. Как же они не сталкиваются в кромешной тьме подземелий? Значит, зверек как-то отличает свои ультразвуковые колебания от чужих. Есть виды летучих мышей, которые охотятся за рыбой и безошибочно находят ее сквозь толщу воды.

Точные опыты и подсчеты показали, что летучие мыши могут в полной темноте различить препятствие, даже если размеры его не превышают двух десятых миллиметра. Их природный

ПРИРОДА ТОРОВАТА

«локатор» в двадцать два миллиарда раз эффективнее самых совершенных наших приборов. Как заманчиво было бы снабдить таким тончайшим «ультразвуковым зрением» слепых людей, обездоленных природой! И ученые работают над этим.

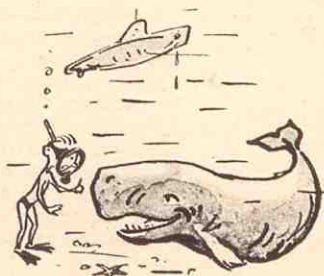
В лабораториях уже создаются приборы и аппараты, прообразом которых послужили «изобретения» живой природы.

Зоологи давно заинтересовались, зачем природа дала некоторым двукрылым насекомым жужжальца — два маленьких придатка на задней части тела, вибрирующие при полете. Назначение их было непонятно, пока не разобрались, что они помогают насекомым выдерживать правильное направление полета. И вот уже создана новая система гироскопа с вибрирующими тонкими пластинками по образцу жужжальца. По сравнению с прежними гироскопами новый прибор гораздо меньше подвержен влиянию больших ускорений, и теперь им снабжают самые сверхскоростные самолеты и ракеты.

В Московском государственном университете молодыми энтузиастами био-

лялись на миг и тут же забывали об этом. «Куда на выдумки природа торовата!..» А теперь подсолнухом заинтересовалась бионика. Инженеры серьезно задумываются: нельзя ли скопировать у златоголового обитателя огородов его уникальную «следающую систему», допустим, для космических ракет? Очень уж важно добиться, чтобы их солнечные батареи, питающие энергией радиопередатчики и приборы, были всегда направлены в сторону солнца.

А как заманчиво научиться у китов нырять без всяких масок на чудовищную глубину в два километра! Пока эти бездны недоступны даже бронированным атомным подводным лодкам.

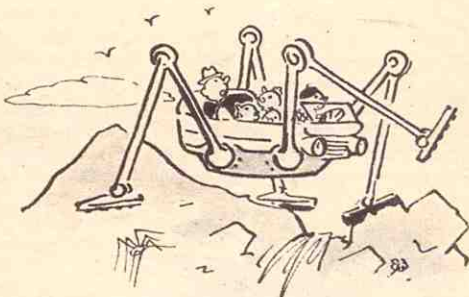

Рисунки В. Житникова.

Или вот внимание исследователей неожиданно привлекает острокрылый альбатрос, стремительно пронесшийся в бурю над вершинами пенных водяных валов. Он залетает в самые отдаленные от берегов районы океанов и спокойно покачивается там на волне — недаром моряки прозвали его «скитальцем морей». Люди, потерпевшие кораблекрушение, через несколько дней неминуемо погибли бы от жажды. А вот альбатросу хоть бы что. Как совсем недавно установили ученые, природа поместила в клюве этой птицы своеобразный... «опреснитель». Морская вода, проходя через клюв, превращается в пресную воду, пригодную для питья.

Да, нашим инженерам есть чему поучиться у природы. Из бесчисленного количества всех известных двигателей самым высоким коэффициентом полезного действия, как установлено, обладает... обычная человеческая мышца. И физиологи вместе с инженерами снова и снова изучают в своих лабораториях срезы мышечной ткани, стараясь проникнуть в секрет их непревзойденной экономичности, и уже пробуют создавать из нитей синтетической смолы искусственные мышцы, способные сокращаться и поднимать груз.

А другие исследователи вдруг приходят в изумление от самого обыкновенного паука: позвольте, а как же он ходит? Ведь его длинные голенастые ноги вообще начисто лишены мышц! Ставятся сложные опыты, и выясняется, что природа совсем не зря дала пауку такие суставчатые конечности. Он передвигается на них без мышц,

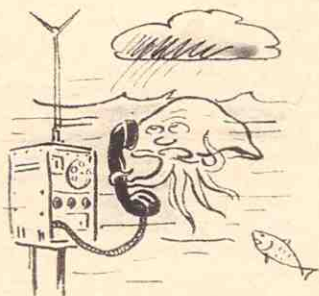
автоматически меняя давление крови в сосудах. И вот уже инженеры склоняются над чертежами, пытаясь перенести эту уникальную «гидравлическую систему» в технику.

И конечно, особое внимание ученых привлекает поистине чудо из чудес, венец природы — разумный, мыслящий человеческий мозг. Мы еще далеки от полного познания сущности всех неизмеримо сложных процессов, происходящих в каждой из многих миллиардов его клеток. Но инженеры уже создают замечательные машины. Пока эти машины еще намного уступают природному мозгу в экономичности, емкости, надежности. Но они уже существенно облегчают мыслительную деятельность человека, освобождая мозг для подлинно творческого труда.

Электронно-вычислительные машины предсказывают погоду, расшифровывают древние письмена, за сотни километров управляют технологическим процессом целых заводов. Они вычисляют траектории космических кораблей и наиболее экономично планируют на десятилетия вперед производство целых отраслей промышленности, сберегая миллионы часов человеческого труда.

Стремительно шагает в будущее молодая бионика. Ученые уже поговаривают о близком наступлении биоэры, когда по примеру удивительных созданий природы мы научимся свободно ориентироваться в просторах космоса, как птицы в воздухе; нырять, подобно китам, в глубины океанов и осваивать их несметные богатства; «выращивать» машины и невиданные биомеханизмы, так же как растут деревья или травы... Вместо громоздких машин — искусственные мышцы... Прямое превращение солнечного света в одежду и продукты питания по образцу фотосинтеза, происходящего в каждом зеленом листе... Управление самолетами и автомобилями простым усилием мысли, без всяких штурвалов и рулей... «Разумные» машины-автоматы, полностью освобождающие людей от всех тяжелых и утомительных видов труда и дающие каждому возможность для всестороннего развития своих способностей и творчества... Да мало ли еще какие чудеса предвещает нам в ближайшие годы бионика!

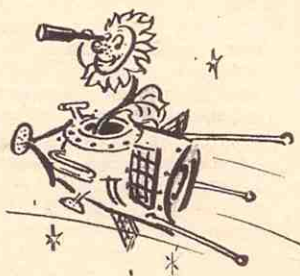
Каждый шаг вперед молодой науки делает нас сильнее и могущественнее.

ники недавно разработана ценная установка, предупреждающая за пятнадцать часов о приближении шторма. Оригинальная конструкция этого прибора «позаимствована» у... медузы.

Ученые все пристальнее изучают то, что уже открыла природа.

Кто не видел, как растет на огороде самый обыкновенный подсолнух! И многие, наверное, удивлялись, что это растение наделено замечательной способностью все время поворачивать свою золотистую «шапку» в ту сторону, откуда светит солнце, чтобы лучше улавливать его горячие лучи. Удив-

Павел Викторovich Лахтунов вел себя подобно двуликому Янусу. На людях он вежлив, обходителен, а дома грубиян грубияном. Особенно когда выпьет. Тут добрым людям лучше не попадаться ему на глаза. Он и оскорбит и побьет. Больше других доставалось от Павла Викторovichа его жене Валентине Александровне. Если бы Валентину Александровну обидел на улице посторонний человек,

Сегодня бывший Павлик в очередном кураже. Он выпил первые пол-литра и принялся было за второе, как жена отобрала бутылку.

— Хватит!
— Ты кому говоришь — хватит? Мне, главе дома? И глава дома бросается на жену с кулаками. Жена высасывает из комнаты.

— Помогите!
Глава дома за ней.
— Убью! Изувечу!
И он изувечил бы не-

Сем. НАРИНЬЯНИ

Фельетон

прохожие тут же вступились бы за нее. А как быть, если хулиган — муж?

До поры до времени жители дома № 6 по Хлыновскому тупику в Москве, соседи Павла Викторovichа, при каждом скандале запирались на ключ в своих комнатах.

— Мы ничего не видим! Мы ничего не знаем!

Но вот чаша терпения переполнилась, а при очередном дебоше, когда в кухне раздались плач и крики жены Лахтунова, из своих комнат выскочили две соседки, две пенсионерки, Елена Федоровна Козлова и Вера Ивановна Горчакова.

— Павлик, опомнись!

Так сказала дебоширу Елена Федоровна. Она знала этого Павлика со дня его рождения. Шутка ли! Сорок лет они соседи по квартире. Павлик на глазах Елены Федоровны рос, учился. Женился. Сначала в первый раз, потом во второй...

счастную женщину, если бы ее не заслонили собой две соседки. Но дебошир бьет и заступниц. Один из его ударов приходится в висок Елены Федоровны, и она без сознания падает на пол.

И вот к дому № 6 почти одновременно подъезжают две машины. Одна — из «Скорой помощи» за Еленой Федоровной, вторая — из милиции за Павлом Викторovichем. Павел Викторovich пробует бить и милиционеров, тогда милиционеры связывают его полотенцами и начинают составлять протокол.

Мы не сомневаемся: советский суд не замедлит бы с наказанием, если бы... злостный хулиган сам не значился по ошибке в списке судей Кировского района.

Правда, председатель Мосгорсуда проявил похвальную оперативность. Тотчас после скандала он прибыл в отделение милиции познакомиться с об-

стоятельствами пьяного дебоша, и уже на следующий день П. В. Лахтунов был отстранен от работы. Но среди сотрудников суда оказались товарищи Лахтунова, которые стали спасать хулигана от заслуженной кары.

Елена Федоровна Козлова семнадцать дней была на излечении в больнице да месяц после этого провела в постели дома. Председатель Кировского райсуда тов. Архипова и судья тов. Миронова навестили пострадавшую. Сначала они извинились за сослуживца-хулигана, а затем стали уговаривать больную не возбуждать против него уголовного дела...

— Пожалейте!

Зинаида Григорьевна Архипова — честный, добросовестный судья. Она никогда не давала потачки правонарушителям. Наоборот, всякий раз, когда перед ее столом, столом судьи, предстал хулиган, поднявший руку, обидевший слабого, судья Архипова строго взыскивала с такого. А на сей раз председатель райсуда изменила своим принципам. Вместо того, чтобы осудить хулигана, она выступила в неблагоприятной роли его заступника и ходатая. Архипова послала в милицию характеристику, в которой облик Лахтунова был нарисован без единой критической черточки. Агнец божий — и только. Хотя ей хорошо известно, что этот «агнец» не только пьет и дерется, но и допускает небрежность при решении уголовных дел. В связи с этим только за последний период работы Лахтунова Мосгорсуд вынес 7 частных определений.

Своему коллеге радеет не только Архипова, но и работники отдела кадров горсуда. Они задерживают, не посылают в милицию нужные материалы, надеясь, что следователю и потерпевшим надоест ожидание и они, махнув рукой на хулигана, все простят ему, все забудут. Но следователь Фрунзенского районного отдела милиции проявляет упорство и начинает следствие. Дают показания свидетели, потерпевшие, а в это время обвиняемый бежит, ищет сочувствия в различных юридических инстанциях.

— Помогите!
— А вы кто?
— Свой человек. Коллега. Юрист.

И сочувствующие нашлись. Где? Как ни странно, в городской прокуратуре. Именно отсюда была дана команда Фрунзенскому отделу милиции: «Следствие по делу Лахтунова прекратить!»

Я иду в горпрокуратуру узнать, чем вызвано такое решение. А мне говорят:

— Лахтунов получил строгий выговор. С него достаточно.

За дебош, который учинил Лахтунов, всякому другому был бы вынесен не выговор, а приговор. Но при таком наказании хулиган уже не смог бы впредь заниматься юридической деятельностью. А с выговором — пожалуйста! Лахтунова отстраняют от должности судьи, а он тотчас устраивается юрист-консультантом.

Или вот еще случай. В городе Дрогобыче живут в одном доме две семьи. Во главе одной — он, Середа. Во главе другой — она, Коваль. Соседи повздорили из-за детей. И он, мужчина, сначала, как более сильный, побил ее, женщину, а потом, как более ответственный по должности, пользуясь знакомством с работниками милиции и суда (сам он юрист), добивается ее ареста и осуждения.

По просьбе редакции журнала «Работница» разбор этого возмутительного дела занялась прокуратура Украины, и неправильное решение суда было отменено. Коваль освобождена из-под стражи.

Правда восторжествовала. Ну, а как работники прокуратуры наказали хулигана Середу и его друзей из суда и милиции? Да никак! Прокуратура удовлетворилась тем, что люди, посадившие в тюрьму Коваль, получили взыскание.

Юристы, виновные в нарушении советских законов, должны нести более строгое наказание, чем другие граждане, и не только в общественном порядке, но и в судебном. К этому призывает партия. А Лахтунова, Середу и его друзей жалуют: они свои люди. Но со «своих» прокуратуре как раз и нужно взыскивать полной мерой, чтобы «свои» не патнали, не позорили высокого звания советских юристов, не ставляли своими поступками коллег краснеть, а нас с вами, товарищи читатели, возмущаться.

Правильно ли мы говорим?

— Бывайте здоровы.
— Передавайте привет мужу.

Обменявшись такими фразами, две молодые женщины разошлись в разные стороны. А я, невольный слушатель окончания их разговора, подумал: почему они так говорят? По прямому смыслу в данном случае следует говорить «будьте» и «передайте».

Что означает «бывайте здоровы»? Вдумайтесь в эти слова, и вы поймете, что это означает: «иногда будьте здоровы». Вот так пожелание! Ведь из него, естественно, вытекает: «а иногда будьте больны...»

Ну, а «передавайте привет мужу»? Ведь эта многократная форма может означать только следующее: придя домой и увидав своего мужа, надо много раз четко повторять ему: «Такая-то тебе кланяется».

Нелепо? Безусловно!

* * *

«Выбейте мне селедку», — с таким предложением нередко обращаются домашние хозяйки к кассиршам в продовольственных магазинах. Вообще обращение «выбейте» стало около касс весьма распространенным.

Почему? Ведь при покупке билета в театр или в кино никто не скажет: «Оторвите» или «Отрежьте мне билет». Зачем же говорить совершенно ненужное слово «выбейте» у кассы магазина?

Лишние, неточные слова — это словесный мусор.

* * *

«Хотела взять баранину, но в магазине было только мясо...» Эта фраза тоже услышана мною на улице.

Опять-таки вопиющая, но, к сожалению, весьма

распространенная небрежность в нашей разговорной речи.

Много веков наш русский язык знает такие виды мяса домашних животных, как говядина, телятина, баранина, свинина. Все они одинаково входят в общее понятие «мясо». Происходит слово «говядина» от старинного, древнерусского слова «говядо», означавшего крупный рогатый скот — быков и коров. Конечно, слово «говядо» теперь не употребляется, но «говядина» существует в словарном фонде народа, и нет никакой необходимости его изменять или заменять, тем более таким обезличенным и общим словом, как «мясо».

* * *

«Качественная работа...» А что это, собственно, означает? Да ровно ничего. Это все равно, что ска-

зать про человека: «Он идет походкой» или «Он говорит словами». Ведь качество может быть и отличным, и хорошим, и посредственным, и плохим, и очень плохим. Поэтому следует признать употребляемое в последнее время в разговорной речи и даже иногда в печати слово «качественный», как равное по значению слову «хороший», неправильным.

Напомним, что в русском языке есть слово «доброкачественный». А в медицине рядом со словом «доброкачественный» существует и «злокачественный». Представьте себе, как было бы нелепо, если бы врач после исследования сказал больному: «Опухоль у вас качественная».

Точность и ясность — обязательные свойства каждого слова.

Борис ТИМОФЕЕВ

После перманента

Все ли правильно понимают, что такое уход за волосами? Многие женщины под этим подразумевают частые перманенты и регулярные укладки волос в парикмахерской. Но даже очень хорошие и густые волосы долго такого «ухода» не выдержат.

Бытует мнение, что после перманента волосы якобы укреплются: уменьшается выпадение, усиливается рост их. Это не так. Перманентная завивка, да еще часто повторяющаяся, безусловно вредна для волос.

Существует две разновидности перманентной завивки: «электрическая», при которой предварительно смоченные резинками щелочными растворами (поташ, известь, сода и т. п.) и накрученные на специальные трубочки волосы подвергаются воздействию высокой температуры, и «химическая», или «холодная», — с применением специальных щелочных составов, меняющих на длительное время структуру волоса.

При любом способе перманента волосы резко обезжириваются, истончаются, становятся ломкими и безжизненными. Частая завивка, особенно в сочетании с окраской волос, может вызвать различные осложнения. Об этом не следует забывать прежде всего тем, у кого волосы сухие и тонкие.

Однако многие женщины пользуются перманентной

завивкой, поэтому нам хочется дать ряд простых советов по уходу за волосами после перманента.

Если волосы жирные, то после завивки состояние их меняется не столь резко, так как постоянное выделение кожного сала служит естественной смазкой, предохраняющей их от чрезмерной сухости, хрупкости и ломкости.

Независимо от сальности волос — нормальной, пониженной или повышенной — часто мыть их не рекомендуется. Жирные волосы следует мыть не чаще одного раза в 7—10 дней, сухие — один раз в 2—3 недели. Вода должна быть мягкой — лучше дождевая или снеговая. Жесткую воду (водопроводную и колодезную) можно смягчить, прокипятив ее или добавив питьевой соды или буры, нашатырного спирта или глицерина (1 чайная ложка на 2—3 литра воды). Мыло лучше применять «Детское», «Косметическое», «Ланолиновое», «Спермацетовое» или мыльный порошок «Волна». Жидкое мыло содержит спирт, поэтому им не следует злоупотреблять. Вода не должна быть слишком горячей.

Кроме мыла, можно рекомендовать личный желток. На предварительно смоченные теплой водой волосы наносят желток, равномерно растирают его, подобно тому, как намазывают мы-

лом, а затем ополаскивают. Волосы, вымытые желтком, становятся мягкими, шелковистыми, исчезает перхоть.

Полезно также до мытья головы смочить волосы кислым молоком, простоквашей или кефиром и завязать голову на 20—30 минут, после чего ополоснуть мягкой водой или вымыть в мыльной пене.

Ополаскивать волосы следует водой, слегка подкисленной лимонным соком, уксусом или лимонной кислотой (на литр воды столовую ложку уксуса, сок одного лимона или щепотку лимонной кислоты).

Волосы ломкие и сухие после перманентной завивки рекомендуются за 2—3 часа до мытья тщательно смазать любым теплым растительным маслом (персиковым, кукурузным, подсолнечным, оливковым и т. д.), завязать голову платком, подложить под него компрессную бумагу, а затем уже мыть.

После мытья волосы надо слегка смазать бриллиантовым, репейным маслом или смесью касторового масла с растительным (в равных пропорциях), затем хорошо просушить полотенцем, сняв избыток жира. Эта процедура придает волосам красивый блеск, делает их послушными и живыми. Смазывать нужно 2—3 раза в неделю, в зависимости от степени сухости волос.

Когда волосы просохнут,

их следует не спеша, аккуратно расчесать гребенкой. Если они легко путаются, надо начинать расчесывание с концов редким гребнем, постепенно приближаясь к корням.

Рекомендуем применять после перманента «Хинную эмульсию», кремы «Прима», «Особый», «Московский» (способ употребления подробно описан на этикетках).

Волосы с любым перманентом в жаркие дни надо предохранять от разрушающего действия солнечных лучей косынкой, панамой, зонтиком. На тонкие, безжизненные, хрупкие волосы особенно губительно действует южное солнце в сочетании с соленой морской водой. В море купаться следует в резиновой шапочке, а при выходе на берег тотчас снять ее и заменить легкой косынкой.

Е. РЫЖКОВА,
врач-косметолог,
кандидат медицинских наук.

Отпуск в году один

У вас больное сердце, как отдыхать? Многие думают: отдыхать умеет каждый, этому не надо учиться! Но, к сожалению, нередко отпусканики возвращаются после отдыха, ухудшив свое здоровье. Особенно обидно бывает, когда к своему отдыху неосмотрительно подходят люди, страдающие заболеваниями сердечно-сосудистой системы: гипертонической болезнью, атеросклерозом, пороками сердца, гипотонией — следствием инфекции, переутомления, недостатка витаминов, нарушений питания и т. д.

При всех этих недугах большое значение имеет разумный отдых, и не только во время отпуска, но и ежедневный — после работы и по воскресеньям. Под словом «полноценный» мы прежде всего понимаем не пассивный, а активный отдых. Это некоторые физические упражнения, легкий труд, прогулки, обязательная утренняя гимнастика с водными процедурами и т. д.

Физические упражнения — великолепное средство предупреждения атеросклероза, гипертонической болезни, нарушений обменных процессов. Занятия физической культурой и спортом тренируют не только мышцы, но и сердечно-сосудистую систему, повышают ее приспособляемость к различным нагрузкам, нормализуют реакцию сосудов на внешние раздражения. Гимнастика снимает усталость и дрожь мышц, препятствует развитию чрезмерной полноты.

Даже тот, кто перенес инфаркт миокарда, должен выполнять комплекс легких физических упражнений, рекомендованных врачом.

Очень полезны для сердечных больных пешеходные прогулки, причем маршруты их должны постепенно удлиняться. Разумеется, не следует взбираться на горы или ходить слишком быстро. Небольшие подъемы не опасны.

Если нарушение сердечно-сосудистой системы вызвано неврозом или обнаружена ранняя стадия гипертонической болезни, можно рекомендовать более активную гимнастику, а также игры в волейбол, теннис, бадминтон, легкую греблю.

Каждый, у кого не в порядке сердце и сосуды, должен стремиться к тому, чтобы возможно дольше находиться на свежем воздухе, лучше, конечно, за городом, в лесу, в парке. В жаркие дни (при температуре выше 20 градусов) можно принимать в тени воздушные ванны. Что же касается солнечных ванн и вообще пребывания днем на солнце, то при нарушениях сердечно-сосудистой системы это противопоказано. Не хотите вызвать резкий подъем артериального давления, спазм сосудов, головные боли, сердцебиение, ухудшить свой сон — избегайте прямых солнечных лучей, закрывайте голову шляпой, ходите под зонтом. Жара, солнце отрицательно влияют на таких больных, и потому им не рекомендуется ездить на Кавказ или в Крым в летние месяцы, с июня по сентябрь.

Многие, думая о лете, мечтают о купании, особенно в море. Приходится огорчить тех, кто страдает гипертонической болезнью, приступами стенокардии, тромбозом, эндартериитом: купание в холодной или даже прохладной морской и речной воде им, безусловно, запрещено. В санаториях его можно заменить специальными лечебными ваннами, иногда теплыми душами.

А вот при гипотонии, неврозах сердца и сосудов, нежелательных пороках сердца морские и речные купания не только разрешаются, но даже рекомендуются. Однако и тут есть некоторые оговорки: нельзя увлекаться. Плавание — большая нагрузка для сердца, значит, плавать можно, но умеренно, с отдыхом.

Переутомление нервной системы способствует развитию атеросклероза, гипертонической и других болезней сердеч-

но-сосудистой системы. Известно, что под влиянием лишь двух фанторов — отдыха и сложной обстановки — часто удается снизить до нормального уровня артериальное давление, устранить боли в области сердца, нормализовать ритм сокращений сердечной мышцы и т. д.

Некоторые используют отдых для того, чтобы «наверстать упущенное», прочитать чуть ли не все книжные новинки. И забывают, что слишком много читать утомительно, а при гипертонической болезни и атеросклерозе мозговых сосудов — просто вредно. Не рекомендуется и частое посещение кино, длительное сидение у экрана телевизора. И уж совершенно недопустимо продолжать в дни отпуска работу по специальности. Лучший отдых — это переключиться с одного вида деятельности на другой, начисто забыть все, что связано с привычной работой. Только при таком условии центральная нервная система способна хорошо, полноценно отдохнуть.

Само собой разумеется, что настоящий отдых просто невозможен без хорошего, крепкого сна. Продолжительность ночного сна должна быть не менее 8—9 часов. Особенно крепко, бодря и целитель сон на свежем воздухе: на веранде, на сновале, в крайнем случае у открытого окна. Лучше спать после непродолжительной вечерней прогулки.

Наладить правильное питание всегда важно, а особенно во время отдыха. Но тут надо сразу предостеречь от весьма распространенной ошибки. Кое-кто думает, что самое главное во время отпуска — прибавить в весе. Между тем лишние вес при болезнях сердца вреден. Вреден всем, а особенно тем, кто склонен к полноте. Им на отдыхе надо думать о том, как бы похудеть, сбросить лишние килограммы. И лето в этом отношении может помочь. Надо пользоваться дарами сезона: больше есть овощей, фруктов, но не после жирных шашлыков или блинов с маслом, а вместо них. Человек не будет полнеть, и в то же время организм получит необходимые ему витамины, минеральные соли. Можно на отдыхе проводить и разгрузочные фруктовые дни, заменяя обычный рацион яблоками или клубникой (по килограмму в день) с небольшим количеством сахара.

Многие фрукты и овощи (абрикосы, картофель, капуста и др.) содержат большое количество солей калия. А достаточный «подвоз» организму калия способствует нормальной работе сердца и сосудов. Полезны молочные продукты, особенно творог.

Каждый раз, когда приближается заветная пора отпуска, встает вопрос: где отдыхать? В санатории или в доме отдыха, поехать в деревню или совершить поездку на пароходе?

В санатории, конечно, более строгий врачебный контроль, жестче режим. Расположены санатории в местах с хорошими климатическими условиями, и тем, кто нуждается в повседневном наблюдении врача (например, перенесшие недавно инфаркт миокарда), можно посоветовать поездку в санаторий. Но многое тут зависит и от наклонностей, вкусов, привычек больного. Я знаю сердечных больных, для которых пребывание в санатории — сущая мука, с куда большим удовольствием (и пользой!) они проводят отпускное время и выходные дни за городом, на даче, в лесу. Зачем же навязывать им иное? Надо только обеспечить главное: рациональный режим, полноценное питание и сон, избегать переутомления, излишних больших нагрузок, длительных переходов и т. д.

Отпуск в году один, жаль провести его неудовлетворительно, не «выжав» всей пользы для здоровья.

Т. МАРТЯНОВА,

кандидат медицинских наук.

По следам наших выступлений

«Штурмовые дни и ночи»

Так было озаглавлено напечатанное в № 2 нашего журнала письмо работниц Душанбинской чулочно-носочной фабрики. Женщины сообщили, что на предприятии из-за плохой организации труда по воскресеньям и вечерами устраиваются авралы.

Как сообщили нам директор и секретарь партбюро фабрики, факты, о которых писали работницы, действительно были. Статья обсуждалась на открытом партийном собрании, сверхурочные работы отменены. Теперь фабрика работает ритмично. Инженер тов. Хлыстова предупреждена за недопустимую грубость в обращении с рабочими.

Начальник Управления текстильной промышленности Совета народного хозяйства Среднеазиатского экономического района тов. Комков сообщил редакции, что после опубликования статьи совнархоз принял меры по обеспечению фабрики сырьем и материалами. Управление выделило средства на реконструкцию красильно-отделочного цеха, из-за которого происходили перебои в работе фабрики.

Но вопрос о «штурмовых днях и ночах» не снимается с повестки дня. В редакцию поступают письма из других предприятий, где все еще процветает штурмовщина. Рабочие Рассказовского овчинно-шубного завода (Тамбовская область) пишут о том, что у них первые двадцать дней каждого месяца идет раскачка, а последние десять дней — горячка.

Редакция надеется, что совнархоз Центрально-Черноземного экономического района займется этим предприятием и поможет ему выйти из полосы штурмов и авралов.

«Отписками детей не накормишь»

Под таким заголовком была опубликована в 3-м номере «Работницы» корреспонденция, в которой шла речь о том, что в г. Кунгуре нет молочной кухни для грудных детей, подверглись критике некоторые работники Кунгурского здравоохранения за бюрократические отписки на жалобы кормящих матерей.

Пермский областной отдел здравоохранения сообщил редакции, что статья обсуждалась на расширенном совещании и критика признана справедливой. За безответственное отношение к организации детского питания заведующему Кунгурским городским отделом здравоохранения тов. Лекомцеву объявлен выговор.

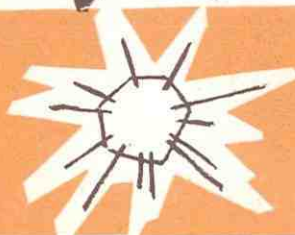
Вопрос об открытии детской молочной кухни обсуждался также в Кунгурском горисполкоме и в промышленном облисполкоме. Принято решение пока разместить кухню в приспособленном помещении, а специальное здание молочной кухни сдать в эксплуатацию не позднее конца 1963 года.

Политклиническому отделению детской больницы поручено организовать пункт приема сцеженного грудного молока.

ДЛЯ

ЛЕТА

Цена номера 10 копеек.

Индекс 70770

